

№2

Февраль 2024

РУССКИЙ КЛУБ

В театре им. А.С.
Грибоедова

В 1904-1906 и 1927^{гг.}

работал великий
режиссер

Всеволод
Эмильевич Мейерхольд

9 февраля исполнилось 150 лет со дня рождения Всеволода Мейерхольда. Его имя навсегда вписано в историю Русского театра Грузии. В 1904-1906 г. великий режиссер работал в Тифлисе. Здесь он поставил все пьесы Чехова, «Смерть Иоанна Грозного», «Женитьбу» Гоголя, «Плоды просвещения» Толстого, Шекспира, Гауптмана, Ибсена, Островского, Стриндберга. В «Горе от ума» сыграл Чацкого, в «Трех сестрах» – Тузенбаха, в «На дне» – Барона, и имел огромный успех. После триумфа спектакля «Три сестры» режиссеру поднесли адрес со множеством подписей – в кожаной папке с серебряной дощечкой, на которой было вырезано: «Товариществу Новой драмы, Вс.Э. Мейерхольду от публики. Тифлис, 27 февраля 1905 года».

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2 (220)
Февраль 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «ПЕВЧИЙ ДРОЗД» ГРУЗИИ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 10 МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ, ИЛИ РАЗГОВОР
О ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ТАМАРА НЕМЧИНОВА
- 14 ИЗ ГЛУБИНЫ СЕБЯ
ЗОЯ МЕЖИРОВА
- 16 «В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ МУЗЫКА ИГРАЛСЯ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 22 ТРИ МИНУТЫ ТИШИНЫ
ЕВГЕНИЯ ПОЛТОРАЦКАЯ
- 25 ГЕНИЙ – СТРАСТНЫЙ, ГРЕШНЫЙ И ЛЮБЯЩИЙ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 30 ВСЕ, ЧЕМ УКРАШЕНА ЖИЗНЬ
- 32 ПАЛЬТО НЕ НАДО
ЮРИЙ РОСТ
- 34 «МАТЕРИЯ» НАТАЛЫИ НАФТАЛИЕВОЙ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 38 ДОЛГ
МЕРАБ КИЛАДЗЕ
- 40 НЕТ ГРАНИЦ МЕЖДУ СЕРДЦАМИ
ГОДЕРДЗИ РТВЕЛИАШВИЛИ
- 43 ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ КИНО НА «МОСКОВСКОЙ ПРЕМЬЕРЕ»
ИННА БЕРИДЗЕ
- 46 ГРУЗИНСКИЙ БРАТ МЮНХГАУЗЕНА
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
ПЕРЕВОД КАМИЛЛЫ МАРИАМ КОРИНТЭЛИ

На обложке – ЗИМА В ТБИЛИСИ

от а до

Роб АВАДЯЕВ

ХРАБРОСТЬ, ДЕРЗОСТЬ И БУНТ

Ровно 115 лет назад, а именно 20 февраля 1909 года, в Италии был опубликован первый манифест футуризма, от слова «Futurum», «Будущее». Это одно из главных литературно-художественных авангардистских движений в искусстве начала XX века. Напечатан сей манифест был в очень солидной французской газете Figaro, в разделе... платных объявлений, то есть итальянский литератор и поэт Филиппо Томмазо Маринетти опубликовал этот исторический документ, как обычное бытовое сообщение, скажем, о съеме квартиры. И именно с этого момента принято отчитывать историю футуризма. Но, невзирая на непрезентабельный и неторжественный вид, манифест

стал основополагающим документом течения, без которого сейчас немислимо воспринимать богатую на события и открытия историю XX века. В нем была заявлена «антикультурная, антиэстетическая и антифилософская» направленность творческих усилий молодых людей, для которых старое искусство было тесным и душным. Посему в манифесте провозглашался призыв к разрушению старых догм и укладов – ведь время было революционным, и воздух Европы был буквально наэлектризованным... короче, как у Максима Горького «Буря, скоро грянет буря». Это ощущали все, а особенно остро – молодежь, жаждущая перемен. Футуризм был немедленно подхвачен молодыми творцами – «ниспровергателями старого» во всех европейских странах.

Футуристы призывали не ждать, проявлять бесстрашие, преодолеть страхи и пассивность, смело использовать необычные формы, отбросить все логические, любые синтаксические связи и правила. Главное было напугать и встряхнуть обывателя, ибо: «Нет красоты вне борьбы!»

Но в России было не совсем так. Скажем, не так травоядно. Русские футуристы, а точнее кубофутуристы, соединили принципы двух культурно-эстетических принципов – модного кубизма с футуризмом. Наши были гораздо более лихими, дерзкими и революционными. Хотя никакой особой солидности и респектабельности в их деятельности не было – вспомните симпатичную сходку футуристов под названием «Великолепные кощунства» в первом романе Алексея Толстого из трилогии «Хождение по мукам». Молодые люди читали стихи, рисовали плакаты, разыгрывали сценки, пели песенки. Ну, прямо, как современные панки. А чего стоят сборники «Пощечина общественному вкусу» или торжественные шествия в желтых блузах с нарисованными цветочками на щеках. Футуристами себя считали Татлин, Хлебников, Каменский, Гуро, Маяковский, братья Бурлюки, Алексей Крученых, художники-авангардисты – Шагал, Малевич, Филонов, Ларионов, Гончарова и многие другие. Справедливости ради стоит сказать, что кубофутуризм все-таки не вылился в целостную художественную систему, но, без сомнения, породил такое яркое явление в мировой культуре, как «русский авангард».

ДОЛГий ПУТЬ РУССКОГО ФИЛОСОФА

В начале февраля 1889 года родился выдающийся русский философ Питирим Сорокин – один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

Это был смелый и яркий мыслитель, призывавший самым решительным образом изменять жизнь. В своей знаменитой речи на торжественном вечере в Петербургском университете под названием «История не ждет, она ставит ультиматум!», этот тридцатитрехлетний молодой человек призывал искать Истину как главный путеводитель в бурном море исторических потрясений. Он говорил: «Времена «сладкого ничегонеделанья» – кончились. Мир – великая мастерская, и человек – не мешок для переваривания пищи и пустого прожигания жизни, а прежде всего – творец и созидатель... Отправляясь в путь, запаситесь далее совестью, моральными богатствами. Иначе... смердяковщина и вакханалия зверства, хищничества и мошенничества».

Сорокин призывал интеллигенцию спасать страну и ни в коем случае ее не покидать. Но мыслитель не знал, что новая власть уже подогнала к пирсу «философский пароход», на котором будут изгнаны из России немало умных голов. А самого его, по словам Ленина, «вежливо выпроводили из страны» поездом 26 сентября 1922 года. После долгих мытарств по городам и весям чужбины, Питирим Сорокин доберется до Нью-Йорка, где с 1930 года официально станет уже американским авторитетным философом.

ГРУЗИНСКИЙ ЦАРЕВИЧ – ДРУГ РУССКОГО ЦАРЯ

Несчастливая судьба жить вдали от Родины выпала молодому грузинскому аристократу, батонишвили, т.е. царевичу, Александру из древнего рода Багратиони. Он был старшим сыном царя Имеретии и Кахетии Арчила II и внуком картлинского царя Вахтанга V. Александр Арчилович родился в Тбилиси в 1674 году, но в возрасте восьми лет его с семьей перевезли в Россию, так как в XVII веке на родине было очень неспокойно и небезопасно – его отец был вынужден защищать свою царскую власть от всевозможных претендентов, поддерживаемых персами и османами. Представьте, отец Арчил Вахтангович аж пять раз (!) вступал на престол. Иными словами, в Грузии

непрерывно шла самая настоящая гражданская война. В России к выходцам из Грузии относились хорошо и приветливо. К тому времени в столице жило уже две тысячи соотечественников юного царевича. Десятилетним Александр попал в Москву, где его воспитателем стал князь Волконский. Здесь у него почти сразу появился верный товарищ – юный царь Петр. Мальчики подружились, и Александр с азартом и охотой принимал участие в его военных играх и развлечениях. Женили в те времена мальчиков из аристократических семей рано. В 1687 году Александра женили на Феодосии – дочери боярина Милославского из знатной московской семьи. За девочкой дали в приданое богатое село Всехсвятское, там сейчас метро «Сокол». Но брак был недолгим, Феодосия рано умерла. А в 1689 году царевич принял уча-

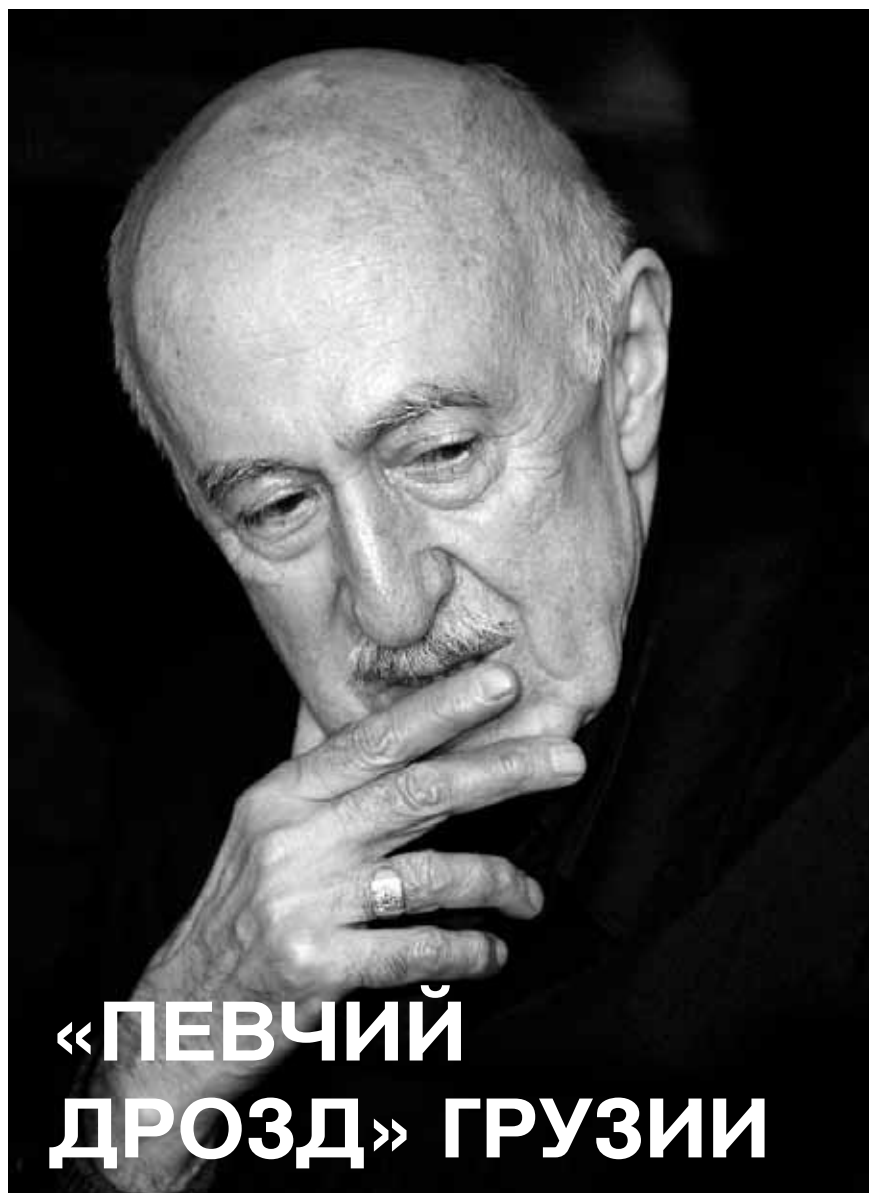
стие в неудачном походе своего отца, стремящегося опять завладеть троним Имерети. Поначалу все шло хорошо, они овладели Кутаиси, и Арчил II царствовал около 13 месяцев. Но в итоге, Александр вернулся в Москву. А потом была поездка с царем Петром в Европу в Великое посольство в 1697 году. В Гааге Александр Имеретинский прилежно изучал артиллерийское дело. И по возвращении в Москву, по указу был назначен «начальником пушкарского дела» в звании генерал-фельдцейхмейстера – то есть первым в истории вооруженных сил России командующим артиллерией. Но в 1700 году началась война со Швецией. Под командованием царевича Александра было 145 пушек и 28 гаубиц. К сожалению, при разгромном поражении под Нарвой он со всем своим штабом попал в плен к шведам. В плену с ним обращались весьма вежливо и учтиво. Он 10 лет прожил в Стокгольме в приличном особняке. И все эти годы царь Петр пытался выволить друга из плена. Александра отпустили только после Полтавской битвы. Однако по пути из Швеции он скончался в возрасте 37 лет в маленьком городке Питео. Шведы не хотели отдавать его прах, но Петр велел «жестко требовать», и грузинский батонишвили был погребен в московском Донском монастыре, вдали от благословенной Грузии.

ГИМН ЖЕНЩИНЕ

Величайший иллюстратор, гениальный аристократ. Четыре слова – все правда! Наш герой был величайшим иллюстратором, в истории рекламы круче него мало кто был. Он считался абсолютно непревзойденным гением и законодателем стиля многие годы и сумел возвести графический лаконичный рисунок в ранг настоящего искусства. Его работами восхищались многие профессиональные художники, в частности, великий Пикассо. А еще он был настоящим аристократом – сыном итальянского графа Делла Каминате и французской графини Мари Грюо. Его полное имя звучало как Ренато де Дзавальи Ричарделли Каминате граф Делла Каминате. Но свои работы мэтр Рене подписывал фамилией матери – Грюо. Он родился 4 февраля 1909 года в итальянском Римини, который мы прекрасно знаем по фильму Федерико Феллини по сценарию Тонино Гуэрра «Амаркорд», они оба тоже уроженцы этого приморского города. В пятнадцать лет Рене вместе с

матерью перебрался в Париж, а в двадцать стал работать модельером. Но настоящий свой талант раскрыл в сфере модной иллюстрации и очень быстро прославился. Он был певцом настоящей французской роскоши и женской красоты, изображая прекрасных дам в черных модных перчатках и широкополых шляпах, элегантных мужчин в смокингах на шикарных автомобилях. И ничего лишнего – ни пейзажей, ни заднего фона, все полунамеками. Рекламная графика почти не оставляла художнику почти никакой свободы в выборе лишних деталей: строгость, простота, образное решение. Ведь в то время цветная фотография была еще в зачаточном состоянии. И все невероятные лаконичные трансформации иллюстратору приходилось просто додумывать самому в меру своих способностей и таланта. А потом начался совместный труд Рене Грюо со своим другом, гениальным кутюрье Диором – «запуск» первых духов Диора. И сразу невероятный успех. Мастер получает огромное число заказов и много работает для гляцевых журналов Vogue, L'Officiel, L'Album du Figaro, Marie Claire и др. во Франции и Америке. Но с наступлением 60-х годов с их роком и хиппи, мастер отходит от дел на целое десятилетие – он ненавидит неэлегантную культуру расписных маек с надписями и повсеместных джинсов. «И зачем женщины так себя уродуют?» – воскликнул в отчаянии Грюо. Но с началом 70-80-х годов, он снова стал востребованным. И вновь журналы были заполнены его чудными лаконичными рисунками, где все было дано намеком – носок туфельки, огромные глаза под полями шляпы, веер в руке, обтянутой перчаткой. И более чем скромный набор цветов: красный, белый, черный, золотисто-желтый и иногда зеленый цвет. И все! Последние десятилетия своей жизни Грюо провел спокойно и с аристократическим достоинством. И ушел, прожив без малого столетие, оставив в награду миру свои гениальные работы, хоть и был лишь иллюстратором. Но, по большому счету, таким же «иллюстратором» в свое время был и Тулуз-Лотрек...

«ПЕВЧИЙ ДРОЗД» ГРУЗИИ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В декабре прошлого года грузинский и мировой кинематограф осиротел – ушел из жизни один из культовых кинорежиссеров нашего времени, Отар Давидович Иоселиани.

2 февраля 2024 года мэтру исполнилось бы 90 лет. «Русский клуб» чтит память великого мастера и вспоминает его путь в кино – путь в Вечность.

Начало

История Отара Иоселиани стоит внимания и даже целого фильма.

Отар Давидович признавался, что ему «посчастливилось застать поколение прошлого века, впитать старинные традиции».

Детство будущего кинорежиссера было нелегким: отец провел долгие годы своей жизни в лагерях, и Отар воспитывался женщинами – мамой, которая окончила Институт благородных

девиц, бабушкой и тетей.

Гениальность Отара Иоселиани складывалась из разного рода страстей и увлечений. Он интересовался графикой и живописью. Был равнодушен к музыке – окончил дирижерско-хоровое отделение музыкального и курсы композиции при Тбилисской Государственной консерватории. Его влекли и технические науки: Иоселиани поступил на механико-математический фа-

культет МГУ, где проучился три курса. Но в итоге тяга к кино взяла свое: в 1961 году Отар Иоселиани окончил режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии.

В возрасте 23 лет Отар Давидович снял свой первый фильм – короткометражную картину по рассказу Александра Грина «Акварель». Уже тогда Иоселиани удалось искусно передать дух притчи о человеке и искусстве. Через два года последовала «Песня о цветке» («Саповнела»), а потом кинолента «Апрель», которую зрителям увидеть было не суждено – цензура. Это фильм о том, «как жажда приобретения убивает в людях хрупкие и нежные чувства – способность радоваться, грустить, то есть, иначе говоря, способность жить», – вспоминал режиссер.

Ранние эксперименты продолжились фильмом «Чугун», который Отар Иоселиани снял на основе своего личного опыта: в нем показан один день адской работы рабочих-доменщиков. Для этого молодой Отар устроился горновым в доменный цех металлургического завода. Он понимал: снять что-то настоящее можно, лишь только испытав это лично, на своей шкуре.

Истинно «иоселиановский» почерк сформировался в его первом полнометражном художественном фильме «Листопад» (1966). Картина была удостоена приза ФИПРЕССИ и приза Жоржа Садуля за лучший дебют на Каннском фестивале. А 1972-м на экраны вышел «Жил певчий дрозд», пожалуй, самый известный фильм Иоселиани. Именно с этой картины и началась его настоящая слава. О нем заговорили как о самообытном грузинском режиссере.

Цензура

Однако Иоселиани правда приходилось нелегко. В то время в советском кино бушевала цензура. Под запрет попадало все, что было связано с правдой, вспоминает друг и коллега Иоселиани, режиссер Мераб Кокочашвили: «Чтобы делать настоящее искусство, нужно быть правдивым и свободным. Но свобода личности была абсолютной неприемлемой для советской

«Жил певчий дрозд»

идеологии. Отару Иоселиани, как и другим режиссерам, приходилось преодолевать все эти цензурные препятствия. Нужно было говорить правду о личности, о Грузии, о состоянии человека того периода. Первые же фильмы Отара Иоселиани были о правде. И его фильмы запрещали».

Так и было. Драма «Листопад» о рабочих винодельческого завода (главный герой выступает против попустительства начальства) была запрещена к показу в Грузии, а затем и в Москве. Потом картину разрешили показывать в киноclubs. Следующий фильм Иоселиани – «Жил певчий дрозд» – не выходил в прокат два года. По мнению цензуры, главный персонаж, музыкант, был тунеядцем и бездельником. Фильм «Пастораль» о жизни в грузинской деревне в пух и прах раскритиковал председатель Госкино Филипп Ермаш. Иоселиани рассказывал, что тогда ему сказали, что он «больше не будет снимать кино».

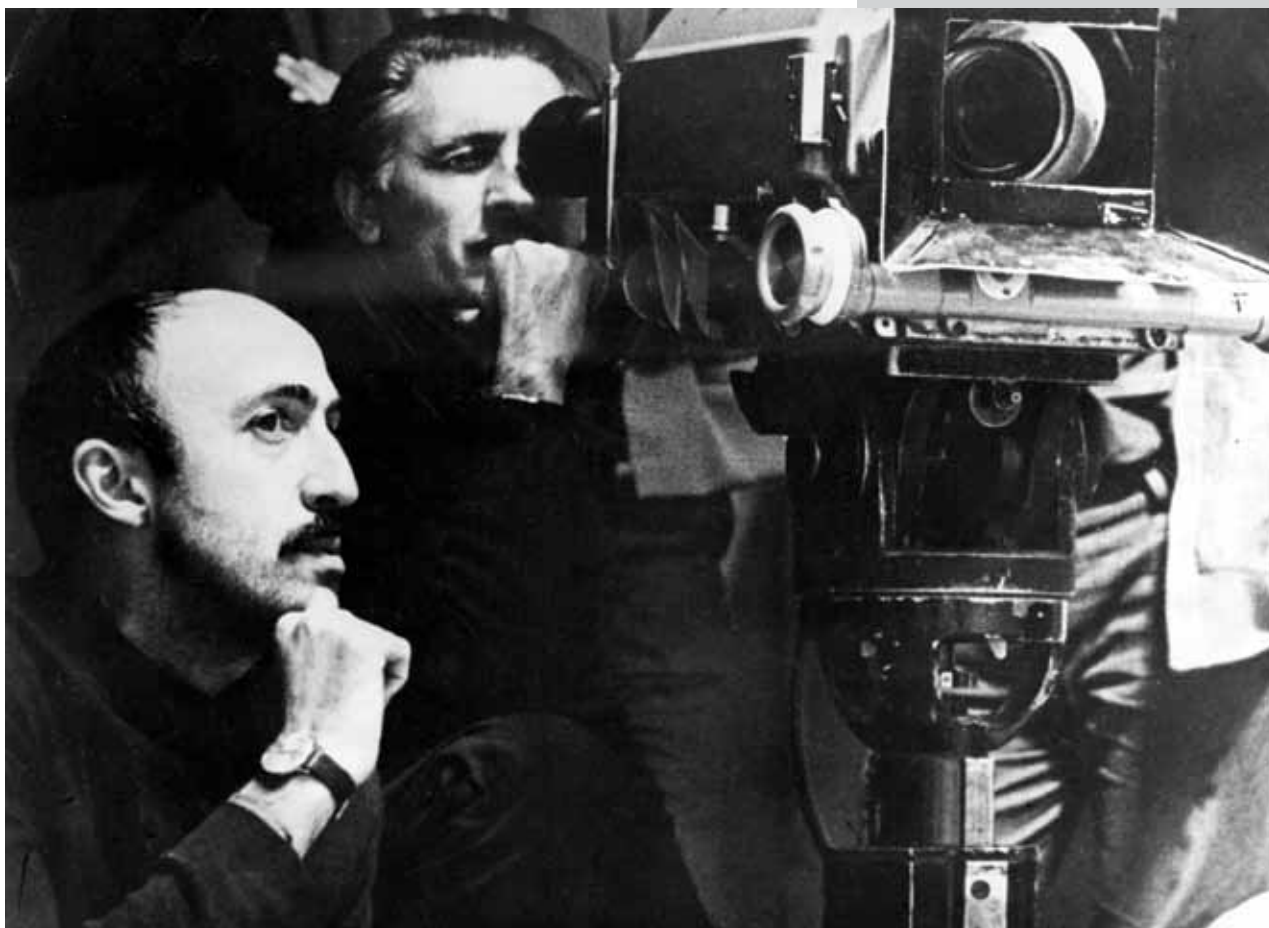
«То же самое было и с моими картинами, и с картинами многих наших коллег, – вспоминает

Мераб Кокочашвили. – Режиссеры впадали в депрессию. А Отар в депрессию не впадал, а снимал гениальные фильмы. Именно для того, чтобы оставаться правдивым режиссером, он был вынужден уехать из Грузии и работать во Франции».

Во Франции Иоселиани снял прекрасные фильмы – «Фавориты луны», «И стал свет», «Прощай, дом родной!» (другое название «Истина в вине»), «Сады осенью». Фильм «Охота на бабочек» получил несколько кинонаград, включая премию итальянской кинокритики имени Ф. Пазинетти в Венеции и премию фонда Андрея Тарковского на XVIII Международном кинофестивале в Москве. Картина «Разбойники. Глава VII» удостоена Специального приза жюри на Венецианском кинофестивале, «Утро понедельника» – приза Берлинского кинофестиваля «Серебряный медведь» за лучшую режиссерскую работу, а также награды ФИПРЕССИ. За фильм «Шантрапа» режиссер был удостоен кинематографической премии Жана Виго. Последняя картина Иоселиани – «Зимняя песня» – вышла в 2015 году.

«Однако я больше всего люблю фильмы Отара, которые он снимал в Грузии, – признается Мераб Кокочашвили. – Для меня это просто грузинская классика. Если вы спросите меня, каков был художник Отар Иоселиани, я скажу: это было его абсолютно индивидуальное творчество. Никто не делал кино так, как Отар. Вы просто не можете себе представить, каким было отношение к нему и его искусству, когда он выступал на различных фестивалях, настолько его кино было совершенно иным. Оно не похоже на общее развитие кинематографа. Это иной – «отаровский» – кинематограф. Но не только «отаровский». 70-е, 80-е, начало 90-х годов – особый этап грузинского кино. После показов грузинских фильмов за границей, особенно во Франции, Германии и Италии, тогда звучала фраза «феномен грузинского кино». Это именно те годы, когда невероятно четко проявился национальный характер нашего кино».

«Грузинским периодом» Иоселиани восхищается и выдающийся фотохудожник Юрий Мечитов: «Мне ближе начальная часть его творчества, которая

связана с Грузией. Это «Листопад» и «Жил певчий дрозд». История парня, жизнь которого так бессмысленно заканчивается. Сколько раз я сам себя ловил на мысли, что поспеваю, как говорится, на последний удар барабана – то есть, всегда все делаю в последний момент. Почеловечески мне очень близок герой, которого блестяще сыграл Гела Канделаки. На меня огромное впечатление произвел также фильм «Пастораль», который просто потрясал своей документальностью, воссозданием быта деревни, пристрастный, критический фильм, и в то же время – полный любви. Его прокатывали, так называемым вторым экраном, то есть не в крупных кинотеатрах. Сидело до обидного мало зрителей... Из его зарубежных картин я бы выделил «Охоту на бабочек» и «Фавориты Луны». Идея с постоянно уменьшающейся в размерах картиной в «Фаворитах» – гениальная находка. У каждого своя жизнь, и человек волен выбирать, если эта воз-

можность ему предоставляется. Но почему-то я думаю, что, останься Оtar в Грузии, то, может быть, он создал бы нечто не менее значительное».

Магия кино Иоселиани

«Когда вы прожили в стране 50 лет, то не можете изменить образ мышления. Поэтому я продолжаю делать грузинское

«Листопад»

«Охота на бабочек»

кино – пусть и во Франции, – говорил Иоселиани в интервью Би-би-си в 2010 году. – Слава Богу, что тот общий язык культуры, который существует в Европе и во Франции, абсолютно тот же, на котором мы все изъясняемся. Возможно, это и есть язык иудео-христианской культуры, в котором понятия добра и зла приблизительно совпадают».

Кинокритики разделяют творческую биографию режиссера на три этапа: грузинский (киноклассика с элементами модернизма, свойственного 1960-м годам), ранний французский (постклассический и постмодернистский) и тот, что сложился в 1990-х (название которому еще предстоит подыскать), где исторические сюжеты и политика смешаны «в легком сюрреалистическом коктейле».

Кстати, сам Иоселиани любил определенные этапы грузинского кино, отмечает Мераб Кокочашвили. Для него 20-30-е годы прошлого века – это величайший период. Также он почитал французского кинорежиссера Рене Клера. «При этом сам он был высочайшим мастером. Это человек, который был очень хорошо знаком с математикой, – говорит режиссер. – И вы знаете, он как математик все точно определял. Основой служил принцип кинематографического рассказа, который прямо связан с изобразительным показом. Отар очень точно определял, что должно быть на экране. Жизнь для него – это движение. Движение во всех проявлениях

я: в действии, слове, музыке, шумах. Все, что происходит в жизни, все, что можно увидеть, услышать и ощутить. Таким способом Отар доносил до зрителя свою идею, то, что хотел сказать, что его беспокоило. Он необыкновенно четко умел находить и фиксировать кинематографическое решение».

У Отара Иоселиани был свой особенный киноязык, вспоминает его ученица, кинорежиссер Нана Джанелидзе: «Это было абсолютно авторское кино, его киносинтаксис, если можно так выразиться. Он описывал быт, и сквозь этот быт все время чувствовалось дыхание вечности. Я до сих пор не могу понять, как это ему удавалось. Просто он очень точно чувствовал вечность и умел это передавать в каких-то маленьких деталях... Как в фильме «Жил певчий дрозд», когда часы тикают, тикают, как вечность».

Иоселиани привел в грузинский кинематограф нового героя. «Это был гадкий утенок, как Нико из «Листопада», который защищает самые высокие моральные ценности. Ведь там вино – не просто вино. Для Грузии вино означает гораздо больше. И это была метафора Отара», – отмечает Н. Джанелидзе.

Отар как дыхание вечности

Но при всей своей гениальности Отар Давидович был непростым, а порой и сложным человеком.

«Он был очень строгим, сложно принимал людей в дру-

зья. Мне выпало счастье, я оказалась в этом кругу друзей, – вспоминает Нана Джанелидзе. – Я познакомилась с Иоселиани, когда была на первом курсе, и получала из его рук награду «За лучшую экранизацию рассказа». Так мы и подружились... Да, он был очень критическим, при этом ироничным. Но дружить умел очень верно, нежно, самозабвенно. И никогда не давал друзей в обиду, всегда защищал».

Отар Иоселиани не терпел потребительское общество, общество сытых. «В его фильмах клошары такие очаровательные! Они умеют общаться, в отличие от людей высшего общества, – говорит Н. Джанелидзе. – Они вместе пьют, поют. Большое значение имеют и музыка, и грузинские песни. То, что люди начинают вместе петь, – это всегда общность, высшая духовность. Музыка у Отара была тоже метафорой. В том же «Листопада», когда у директора мальчик ужасно играет какое-то музыкальное произведение, показано снобское общество, в котором дети обязательно должны играть на музыкальном инструменте. А когда начинают петь рабочие завода – помните, как они поют? Как это органично и изумительно!».

Отар Иоселиани был большим поэтом, говорит Нана Джанелидзе, и в то же время великим сказочником: «И все это как-то очень странно в нем умещалось... Знаете, когда он ушел, вдруг оказалось, что не имело значения, часто общался ты с ним или нет. Он – был. И это была величина, которая поддерживала тебя в моральном, этическом, эстетическом смысле. Он был как столп, который все уравнивал. И это давало чувство спокойствия, потому что ты знал, что он – есть. После его смерти у меня появилось чувство какой-то растерянности... Ведь, в принципе, это один из последних могикан большого кино. Он был великим грандом».

Великий гранд и ушел с достоинством – тихо, интеллигентно, непритязательно. И оставил нам лучшее, что мог оставить, – свое великое наследие, свое кино.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ, ИЛИ РАЗГОВОР О ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

■ Тамара НЕМЧИНОВА

У меня почти не было шансов найти в Тбилиси на два летних месяца приличное жилье. Квартиры и комнаты разобрали полтора года назад. И все, что еще можно было сдать в аренду, больше походило на чердаки, подвалы, маленькие коробочки без окон, но стоили они не меньше. Я отчаялась. Однако за два дня до вылета в Грузию мне позвонил знакомый — журналист Звиад Авалиани, и радостно, почти скороговоркой, сообщил: «Кажется, я нашел. По-моему, это то, что ты хотела. С видом на Мтацминду». «Смешно, — ответила я. — В Тбилиси все с видом на Мтацминду».

Улица Бесики, пять утра. Я поднимаюсь с чемоданом на второй этаж, с лестницы выхожу на длинный балкон, прохожу мимо двух квартир и в самом конце упираюсь в дверь — за ней и находится мое временное пристанище. Но... Два месяца я проживу на балконе, здесь я буду пить

кофе по утрам, грузинское вино — по вечерам, спать на голых досках (потому что матрас слишком широк для балкона), делать утреннюю зарядку (благо, тбилисцы просыпаются поздно), записывать истории, рассказанные соседкой Нино, и медитировать, глядя на гору. Все это будет — «с видом». И заботливое, по-матерински, ворчание Нино: «Вайме, зачем квартиру сняла? Могла бы снять балкон, было бы дешевле».

Так что получилось, кажется, как у Леси Украинки, которая жила на Бесики через дом от меня, но только 120 лет назад: «Хата у меня превосходная, в хорошей и здоровой части города, и вообще я чувствую себя, как дома... Такое идеальное жилище, как здесь, редко может попасться». Удивительно! Правда? Хотя бы что-то в этом мире постоянно — идеальное жилище, на той же улице, с которым вам, дай бог, повезет.

Желание снять квартиру с видом на Мтацминду затуманило мой ясный ум, и я чуть не

лишилась самых счастливых дней моей жизни, проведенных не «с видом», а непосредственно на Святой горе. Ведь Бесики, бывшая Давыдовская (улица к храму Святого Давида), — и есть та дорога к храму, о которой говорила Верико Анджaparидзе в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Так во всяком случае я для себя определила.

Каждое утро я преодолевала дорогу в несколько минут (пару домов на Бесики, пару — на улице Мтацминда, затем настоящий горный серпантин в семь поворотов и 25 ступенек от могилы Грибоедова наверх), чтобы очутиться, пожалуй, в самом известном месте города — Пантеоне Мтацминда.

В первые дни я приходила сюда для того, чтобы посмотреть на просыпающийся город. Спустя какое-то время стала усаживаться на скамейку перед памятником на могиле Бараташвили, уже спиной к городу, и работать. В моем «рабочем кабинете» мне никто не мешал. Первые туристы приходили ближе к полудню, а горожане в храм — только по праздникам. Из всех живых существ навевался рыжий кот, и заглядывала белка. В силу обстоятельств я оказалась в Тбилиси в полном одиночестве. И отсутствие круга общения позволило чаще бывать у любимых Резо Габриадзе, Верико Анджaparидзе, Чабуа Амиреджоби, Серго Закариадзе, когда-то подаривших мне настоящую Грузию.

Иногда я засиживалась до первых туристов. Погруженная в работу, их почти не замечала. Но, в конце концов, разговоры стали меня отвлекать, и я впервые по-настоящему заинтересовалась «жизнью» на кладбище.

Был ли проектировщик у пантеона? Или сам природный ландшафт сотворил чудо? Туристы и местные жители приходили сюда, чтобы, в первую очередь, посмотреть на город. Отличная смотровая площадка: еще не так высоко, когда здания почти не различимы, и все же высоко, чтобы насладиться видом. Потом они обходили могилы, а паломники посещали храм. Но пантеон устроен мудрее. Если задержаться на горе подольше, сесть спиной к горо-

ду, то перед вами предстанет иное смысловое пространство. Вертикальная отвесная скала, дополнительно вытягивающаяся телебашней, ограничивает его с трех сторон. Пространство формируется вверх и стройными кипарисами. Вспоминаются слова Резо Габриадзе о дворике из рассказа «Похороны канарейки»: «Маленький пятачок, другие масштабы».

Маленький пятачок напомнил камерную сцену. Я убедилась в этом еще раз, когда пришла на гору поздно вечером: подсветка, почти рампа, усиливала это ощущение. Казалось, вот-вот начнется представление. Зрительный зал в камерном театре, становясь продолжением сцены, или сцена – частью зрительного зала, рано или поздно даст вам возможность вовлечься во взаимодействие с актерами, и вы тоже окажетесь участником действия. Я получила билет на спектакль «Историческая память», где основными действующими лицами стали туристы.

Основной поток туристов, – случайные люди, случайно оказавшиеся в этом месте. Семья – мама, папа и две дочки. Молодая женщина в пляжном наряде: шорты, футболка и какая-то идиотская шляпа – такие миллионками продаются на всех пляжах мира. Из-за ветра шляпа то и дело слетает с головы, это ничуть не расстраивает женщину, но страшно раздражает меня, как и весь наряд, неуместный и лишний раз подчеркивающий, что люди заглянули сюда случайно. На риторический вопрос мужа, который не требует ответа: «Как же понять, кто похоронен, ведь все на грузинском», она, ни секунды не задумываясь, выпаливает: «Какие-то деятели». И сразу становится ясно, для чего нужны непристойные шляпы – они прикрывают пустой голос. Не знаю, почему именно этот эпитет к голосу пришел мне на ум. Но как раз голос демонстрировал не просто отсутствие знания, но даже намека на желание получить его, какую-то безнадежную пустоту.

Надо сказать, подготовленных туристов оказалось мало, единицы. Иногда они приходили в сопровождении грузин, но

и грузины довольно плохо ориентировались среди надгробий, хотя у них было преимущество – знание языка. Посетители кладбища почему-то изумлялись, что на всех надгробиях были надписи только на грузинском языке. Их изумление уже, в свою очередь, искренне удивляло меня. Некоторые интересовались только двумя могилами – Александра Сергеевича Грибоедова и Екатерины Георгиевны Геладзе, матери Сталина. На маленькой сцене изредка возникали петербуржцы с цветами, они навещали самого петербургского грузина – Резо Габриадзе.

Но вот однажды в пантеоне появилась пара. Я сразу поняла, что это «не наши» иностранцы. Все мы, ставшие иностранцами друг другу не так давно, очень похожи между собой, да и часто иностранцами друг друга не считаем, скорее, из-за пренебрежения. Я продолжала работать, но все-таки в какой-то момент женщина привлекла мое внимание. Она передвигалась бегом, что не характерно для посетителей пантеона, и явно что-то или кого-то искала. Я спросила ее на русском языке, могу ли чем-нибудь помочь. Она поняла меня, чему я удивилась, и спросила по-английски, где могила Ильи Чавчавадзе. Я показала. Потом она снова что-то или кого-то искала, и я практически впервые предложила себя в качестве гида, разумеется, гида-волонтера, наконец, перешагнув из зрительного зала на сцену.

Пара оказалась из Франции, женщина хорошо говорила по-русски, прекрасно знала русскую литературу, впрочем, как и ее муж, который на русском не говорил. Она читала грузинских классиков. И они путешествовали по Грузии вот уже почти два месяца. «Как писатели прошлого», – уточнила француженка.

И вот наступил момент истины. Вся спесь, накопленная мною на скамейке у Бараташвили, пока я наблюдала за многочисленными туристами Пантеона, слетела с меня в одно мгновение. Я считала себя подготовленным путешественником, у меня был вполне себе осознанный утренний маршрут. Личная история притягивала

меня к гроту, где похоронен Грибоедов. И, конечно, как и многие петербуржцы, я приходила сюда с цветами, чтобы положить их на могилу Резо Габриадзе. Я водила французов по своему маршруту, а им вдруг стали интересны и другие захоронения. И тут я «поплыла». Из пятидесяти захоронений половина оказалась для меня неизвестной. Просидев в «зрительном зале» около месяца, я даже не удосужилась осмотреть весь Пантеон. Значит, следуя мысли французского философа Мориса Хальбвакса, «между путешественником и той страной, мимо которой он проплывал, не было настоящего контакта». Случайный турист.

Я кубарем скатилась с горы и оказалась в ближайшем букинистическом магазине на Руставели, чтобы купить все книги о Пантеоне. Букинист мило улыбнулся и предложил мне открытку с изображением храма Святого Давида. «Как же так!» – разочарованно произнесла я, боясь сдвинуться с места, будто это был единственный магазин в городе, будто я никогда не узнаю историю Пантеона Мтацминда.

Неожиданно ко мне подошел один из покупателей, милый старичок, и протянул довольно большую и тяжелую книгу. «Шалва Нуцубидзе. История грузинской философии». Я улыбнулась. Шалва Нуцубидзе – выпускник Санкт-Петербургского университета. Он один из немногих грузинских студентов в нашем университете, кто окончил философское отделение историко-филологического факультета. Остальные грузины предпочитали учиться на восточном и юридическом факультетах. Тем самым Нуцубидзе больше других привлекал мое внимание, я ведь тоже выпускница исторического факультета. У него было прекрасное образование. Несколько лет он стажировался в Лейпциге и работал у знаменитого Вильгельма Вундта. После революции вернулся в Грузию и в числе других знаменитых выпускников Санкт-Петербургского университета стал основателем Тбилисского, с 1918 года – его профессором. Многим он изве-

стен, как переводчик «Витязя в тигровой шкуре». Вы думаете, что все эти знания я молча прокрутила в голове? Нет, я все это гордо и, наверное, спесиво произнесла вслух и добавила: «Но он похоронен в парке Тбилисского университета, причем тут пантеон?» «Последняя глава книги — это начало», — сказал старичок и вышел из магазина. Мне вдруг так захотелось, чтобы незнакомец вернулся и щелкнул меня по носу буквально, но он щелкнул меня добротой, а она учит нас надежнее.

Ах, если бы вы знали, сколько чудес происходило со мной на этой горе!

Итак, начало. Соломон Додашвили — первый грузинский студент Петербургского университета. В 1824 году он поступил на философско-юридический факультет по рекомендации церковного писателя и общественного деятеля Ионы Хелашвили, который сумел внушить юноше любовь к культурному прошлому Грузии и особенно к философским памятникам. «Самое серьезное дело, — говорил он молодому человеку, — полюбить письменные памятники родины». И уже в 1827 году, по окончании университета, Додашвили на русском языке издал в Петербурге свою первую книгу — «Курс философии. Часть I. Логика».

Соломон Додашвили прожил короткую, но яркую жизнь. Среди его бумаг обнаружат перевод отрывка из поэмы К.Ф. Рыльева «Исповедь Наливайко», сделанный Григолом Орбелиани, и строчки из него станут пророческими:

*Известно мне: гибель ждет
Того, кто первый восстает.*

Он многое в Грузии сделал первым: стал первым грузином, получившим университетское образование; написал первые философские трактаты, опирающиеся как на грузинские, так и европейские источники («О методологии логики», «Риторика», «Краткий обзор грузинской литературы или словесности»); был одним из первых грузин, пишущих по-русски, но, по словам Ш. Нуцубидзе, это не сделало его выходцем из русской философской школы; редактировал первый литературный журнал

на грузинском языке. Плодотворная и многогранная деятельность грузинского интеллектуала, увлеченного насущными политическими проблемами и мечтающего о республике, прервется в конце 1832 года. Царское правительство арестует Додашвили и после 18-месячного тюремного заключения сошлет в Вятскую губернию. Заболев еще в тюрьме туберкулезом легких, он скоро скончается и будет предан земле вдали от своей родины.

В заговоре 1832 года участвовали почти все передовые силы Грузии. И Додашвили был наиболее видным и радикальным его руководителем. Являясь непосредственным свидетелем восстания декабристов, он, по словам Вано Шадури, «привез в Грузию декабристский энтузиазм». Деятельность заговорщиков на первых порах имела мирный характер, позднее внешнеполитические и внутриполитические события побудили грузинскую аристократию к подготовке мятежа. Недостаточная организованность и предательство одного из членов тайного общества не позволили заговору осуществиться. По мнению британского литературоведа и историка Дональда Рейфилда, он был «последней попыткой восстановить грузинское монаршество; с тех пор грузинские либералы и революционеры ставили общественную справедливость выше национальной независимости и связывали судьбу Грузии с судьбой России, философские принципы, а не старинные обычаи вдохновляли следующие поколения грузинских радикалов».

Но, кажется, что именно Соломон Додашвили, будучи первым, вселит во все последующие поколения грузинских студентов Санкт-Петербургского университета дух вольнодумства, дерзости и непокорности. А благодарные потомки сделают все, чтобы десятилетия спустя он вернулся на родину. Эпитафия на могиле Соломона Додашвили в Пантеоне Мтацминда: «Жить не только ради себя, но и во имя любви к Отечеству».

На протяжении всего XIX века количество студентов из

Грузии в Петербургском университете будет постоянно расти. Как пишут в своей статье Т.Н. Жуковская и К.С. Казакова, он долгое время останется самым многонациональным по составу студентов: немцы, как «коренные», петербургские, так и выходцы из остзейских губерний, сербы и уроженцы Дунайских княжеств, состоявшие под протекторатом Империи (только в Петербургском университете существовала кафедра молдавско-валахского языка), группа «кавказских стипендиатов». «Природных» грузин или армян среди них вначале будет немного; преобладали сыновья русских чиновников, служивших на Кавказе, встречались потомственные казаки. «Кавказцев» станет больше с 1845 года, когда откроются кафедры грузинского и армянского языков, присоединенные к разряду восточной. Через десять лет указом от 22 октября 1855 года разряд восточной словесности преобразуется в новый факультет с 9 кафедрами: арабского, персидского, турецко-татарского, монголо-калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского и маньчжурского языков. Попечитель Петербургского учебного округа М.Н. Мушин-Пушкин, ранее бывший попечителем в Казани и усердно насаждавший там ориенталистику, выступит с предложением сосредоточить преподавание восточных языков в Петербурге.

В 1840-1850-е гг., время пробуждения студенческой инициативы, стали складываться землячества, самое многочисленное из которых — польское: более трети из 600 студентов университета. Но самым влиятельным, долгоживущим и успешным будет созданное в 1861 году грузинское землячество, имеющее широкие связи с представителями грузинской интеллигенции и пользующееся ее постоянной поддержкой.

Блестящая плеяда шестидесятников, студенты юридического факультета Илья Чавчавадзе, Нико Николадзе, студент восточного факультета Акакий Церетели, вольнослушатель юридического факультета Важа Пшавела, всего около 30 человек, по мере либера-

лизации университетского законодательства и роста научного и общественного влияния университетов, осознав свою исключительность и единство, будут вовлечены в политическую жизнь, последовательно отстаивая идеалы свободы. В 1861 году грузины участвовали в массовых студенческих волнениях, за что 13 из них были арестованы. После подавления волнений лишь часть грузинских студентов осталась в Петербурге и принимала участие в работе русских революционных организаций и кружков. Большинство молодежи вернулось на родину, где развернуло борьбу против социальной несправедливости и национального гнета царизма.

Я выяснила, что пятая часть захороненных в Пантеоне известных грузинских деятелей была связана с Санкт-Петербургским университетом. Петербург сформировал целое поколение образованных грузин – лучших представителей национальной культуры, получивших образование в России и приобщившихся к передовым идеям времени. Выдающийся математик и механик, академик АН СССР, первый президент АН Грузии Николай Мухомелишвили писал: «Я горжусь тем, что являюсь воспитанником славного Ленинградского (тогда Петербургского) университета, где я начал свою научную работу. Одиннадцать лет, проведенных мною в этом прекрасном городе, являются одним из лучших периодов моей жизни, и я всегда с величайшей благодарностью и теплым чувством вспоминаю своих учителей и товарищей, которым я многим обязан».

Сама история в некотором смысле похожа на пантеон, где пространство ограничено и где все время приходится находить место для все новых могил, то есть для нового знания. Хальбвакс утверждает: «Если бы социальная среда существовала для нас лишь в виде таких исторических записей, если бы, говоря шире, коллективная память содержала только даты (привязанные к событиям, определяемым в общих терминах) и абстрактные определения или

напоминания о событиях, она бы оставалась для нас довольно внешней», то есть не знакомой. Чтобы событие не стало историческим фактом, принадлежащим прошлому, когда о нем вспоминают только историки, оно должно стать частью нормативной самоидентификации коллективного «мы».

Эпилог

«Цутисопели», – говорят грузины. Это значит, что жизнь быстротечна. Мгновение. Оглядываясь на лето 2023 года, я думаю, есть ли на свете человек, который имел счастье в течение двух месяцев спокойного обдуманного «общения» с грузинами, жизнь которых и была подлинной историей страны?

В дневнике Тенгиза Абуладзе есть такая запись: «Нелюбовь вопит: «Господи, за что ты меня наказываешь?» А любовь вопрошает: «Господи, за что ты меня милуешь?».

За что ты меня милуешь, Господи! Летом со мной что-то произошло... Эти дни (приходит на ум формулировка из «Моих университетов» Горького) «были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное». Жизнь преподала мне уроки памятной практики. Только создаваемые памятной практикой, передающиеся из поколения в поколение нарративы и помогают объекту этой практики выжить.

Санкт-Петербургскому государственному университету в феврале исполняется 300 лет, Тбилисскому – 106. Университеты неразрывно связаны историей, но знают ли об этом сегодня современные студенты? После распада Советского Союза наработанный совместный опыт оказался менее доступен и потому менее понятен для новых поколений. Так и не сложилось продуктивного обмена, вследствие чего прошлое стало не знакомым. Выросло поколение, которое не просто говорит на разных языках, но заранее отказывается от намерения и надежды понять Другого. Тенденционно, а значит, фрагментарно выбирая прошлое, мы те-

ряем картину целого, что ведет к невозможности полноценного критического восприятия этого прошлого и извлечения из него уроков. Но, как уже давно сказано, нас пугает только то, что для нас неизвестно. Поэтому, чтобы прошлое не являлось угрозой для новых поколений, необходимо изучать его, а совместное прошлое – изучать совместно.

Внушительный юбилей СПбГУ и день рождения Тбилисского университета – повод для приглашения к разговору об исторической памяти. Есть ли в этом потребность у нынешнего поколения грузинских и российских студентов и подходящий ли для этого момент? Как считает историк культуры и литературовед Александр Эткинд, кризисным, переходным состоянием свойственна культурная амнезия, а, значит, время для интеллектуальных дискуссий и диалога давно настало.

Хочу поздравить сегодняшних студентов двух университетов – Санкт-Петербургского и Тбилисского – с днем рождения их альма-матер. И напомнить им прекрасные строчки из книги, которой зачитывалось не одно поколение студентов Ленинграда и Тбилиси: «Студенческие годы – счастливейшая пора в жизни человека. Нужно несколько лет прожить жизнью студента, чтобы по достоинству оценить прелесть корки черного хлеба, натертой чесноком; понять психологию трамвайного «зайца»; вкусить сладость потом заработанной тройки; испытать радость восстановления стипендии; почувствовать противную дрожь в коленях перед экзаменом; насладиться прохладой рассвета после бессонной ночи, проведенной над конспектами и учебниками; познать цену настоящей дружбы и, наконец, пережить гордость от того, что ты, вчерашний босоногий сельский мальчуган, сегодня являешься полноправным, уважаемым гражданином – студентом Государственного университета» – Нодар Думбадзе, «Я, бабушка, Илико и Илларион».

ПОЧТИ ИЗДАЛЕКА

■ **Зоя МЕЖИРОВА**

*...Одно – и знакомое и незнакомое – имя:
Зоя Александровна Межирова. Безупречная
точность самовыражения, полная слитность
внутреннего лиризма с пластическим его
осуществлением, душевного жеста с жестом
стихотворным обеспечивают ей право на
безоглядную самостоятельность.*

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

ЗИМА АРБАТА

По темным улицам – огни, метель и дым...
Сжимаясь, ежиться под холодом седым.
Едва выглядывать из-за воротника,
Из глубины себя, почти издалека.

Весь мир иной, когда здесь летний свет и зной.
Мои владения – раскинулись зимой.
Мои снега заволокли земной простор.
Моя звезда алмазом льда глядит в упор.

И вот желтеют в снегопадах фонари.
Метут метели от зари и до зари.
Опять зимы глухой медлительный затвор.
Блаженство белое. Молчанья разговор.

Оно спит и никого в себя не ждет.
Собою полнится. Само в себе поет.
Его безмолвие сияет тишиной.
Метель стеной. Особняков бесшумный строй.

По темным улицам – на стынувший Арбат!..
Он рухнул в сны и никому ни сват ни брат.
Отгородился ото всех. Беззвучно тих.
Нам хватит с ним зимы затвора на двоих.

Лишь фары выхватят летучий снежный прах.
Остывшей платиной беспамятство в словах.
По темным улицам – огни, метель и дым...
Одни огни, метель и дым... метель и дым...

Мир за стеной где-то там, в отдаленье.
Тускло свечение лиц.
Вот мы с тобой и в одном измеренье,
В белом смиренье больниц.

Отключены от всегдашнего шума
И никуда не спешим.
Может, впервые так смотришь угрюмо...
Хмуришься. Поговорим?..

Некуда в эти часы торопиться,
Вот и всплывают, как сны,
Давние неотвратимые лица,
Временем притемнены.

В спешке забытые, тихо витают,
Зрение застыт слезой.
Знаю – мое над твоим проплывает.
Снова твое – предо мной!

Вот мы и встретились, будто очнулись
Там, где законы земли,
Ангелы, тайным мечтам повинуюсь,
Крыльями прочь отвели.

Заговори сквозь глухие пространства!
Преодолеют слова
Времени плотность, судьбы постоянство,
И уцелеют едва.

Только молчанием долгим ответчу,
Не поднимая ресниц,
Праздную эту незрячую встречу
В белом свеченье больниц.

Не жалуйся
И ни о чем не вздыхай...
Сегодня Господь
Нам показывал Рай.

В блаженстве
Зеленых лугов тишина.
И с солнцем
На небе
Чуть в дымке луна.

И Эмили Дикинсон,
Платьем шурша,
По медленным травам
Прошла не спеша.

Блаженство! –
Безмолвно шептала земля.
И пели беззвучно
Псалмы тополя.

Вот здесь, –
А не только в обители грез,
Все так и должно быть –
Ни горя,
Ни слез,

И чтобы –
Ни гула войны сквозь часы, –
Лишь бомбардировщик
Настырной осы,

Чтоб медлила
С мглою игра в поддавки,
Лишь – взмах волейбольный
Прицельной руки,

Не след
Баллистических мертвых ракет, –
А млечных ромашек
Трепещущий свет.

В ТЕСНЫХ УЛОЧКАХ ТИФЛИСА...

Лали Шиукашвили-Конлан

Утоли мои печали,
Мой прекрасный ангел Лали.
Позвони мне в выходной,
Бережный куратор мой.

Ты по зову прилетаешь
И легко отодвигаешь
Все сомненья этих дней
Силой властною своей.

Колхидянка, танцовщица,
Мечется горох по ситцу,
И беспечность бытия –
Мудрость вечная твоя.

Ты сошла на землю прямо
С фресок мреющего храма,
И повадок танец твой
Легкокрыло-неземной.

Здесь, в американских штатах,
Сердце трепетное в латах, –
Нежную газелью прыть
Надо чем-то заслонить.

Посади в свою машину,
Выпрями стальной спину.
И в слепящем зное дней
Нас опять умчит хайвей.

Мы прикатим в быт укромный,
В приозерный дом огромный,
Где высоких окон ряд,
И за ним холма накат.

Разложи свои модели,
Что мечту твою пропели,
Уведи на вернисаж
В их немыслимый мираж.

За бокалом «Цинандали»
Приоткрой свои печали.
Сигарет глотая дым,
На балконе посидим.

Чтоб в себе не заблудиться,
Надо с кем-то поделиться.
Вспомни все, в одно свяжи,
Жизнь свою мне Расскажи.

Вечно до всего мне дело,
Слушать я всегда умела.
А волненья прошлых лет –
Просто приозерный свет.

В Кении убитый мужем
Тигр распластанный и ужин
Между делом, между слов
На плите почти готов.

Сумеречный свет непрочен.
Грез и снов театр окончен.
И пора уже домой,
Истекает выходной.

В тесных улочках Тифлиса
Мгла такая же повисла...
Может в городе родном
Ты под старость купишь дом.

Там зимы сырая слякоть...
Улыбнись, чтоб не заплакать.
Но об этом – не сейчас.
Поздний час торопит нас.

Мчится темная дорога.
Тем у нас еще так много.
Их порожища река.
До свиданья. До звонка.

Протяжное, как ветер, – сикварули*...
Постижь твою галактику смогу ли?..

Опять дожди Мтацминду обогнули,
Чтоб виден был с земли твой звездный улей.

** сикварули – любовь (груз.)*

Зоя Александровна Межирова окончила отделение Истории и Теории Изобразительного искусства Исторического факультета МГУ, поэт, эссеист. Дочь поэта Александра Межирова. Писать стихи начала в 19 лет. Автор трех поэтических сборников и многих публикаций в центральных российских и американских литературных журналах и газетах – «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Дружба народов», «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Зарубежные задворки», «Юность», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Алтай», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Стороны Света» (Нью-Йорк). Член Союза писателей с 1985 г. Лауреат премии журнала «Дети Ра» (2014), лауреат премии журнала «Зарубежные записки» (2016). Живет в Москве и в штате Невада (США). Две первые книги стихов и ряд публикаций вышли под литературным псевдонимом Зоя Велихова.

«В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ МУЗЫКА ИГРАЛСЯ...»

■ Владимир ГОЛОВИН

В грузинской столице 165 лет назад произошло событие, резко и навсегда изменившее и облик города, и жизнь его обитателей. Справочник-путеводитель, под солидным названием «Тифлис в историческом и этнографическом отношениях. Сочинение Дмитрия Бакрадзе и Николая Березенова», изданный всего через 11 лет после этого события, сообщил: «в 1859 году, при фельдмаршале кн. Барятинском, начато разведение большого публичного сада, занявшего две террасы к востоку от Головинского проспекта и всю Александровскую площадь». То был «первый общественный сад отдыха в Тбилиси», и по сей день сохранивший эту функцию. Более того, несмотря на многочисленные официальные переименования, тбилисцы и сегодня называют его в разговорах не иначе, как Александровским. Сохранив в памяти города исконное название, подобно Во-

ронцовским мосту и площади, району Земмель, Плехановскому проспекту, дому Мелик-Азарянца, саду «Муштаид», больнице Арамянца...

«Фельдмаршал кн. Барятинский» — это государственный и военный деятель, главнокомандующий Кавказской армией, не только наместник императора Александра II на Кавказе, но и его личный друг. И это настолько своеобразный человек, что нельзя особо не остановиться на его личности. Другом Барятинского был и небезызвестный Жорж-Шарль Дантес, которому он писал на гауптвахту после дуэли того с Пушкиным: «Верьте по-прежнему моей самой искренней дружбе и тому сочувствию, с которым относится к вам вся наша семья». В историю же Барятинский вошел умелыми действиями по окончании Кавказских войн и как единственный человек, лично которому неуловимый и гордый имам Шамиль согласился сдаться в плен.

А еще он был ловеласом выс-

шей пробы, который «всегда находил общий язык с красивыми женщинами, постоянно окружавшими его на светских приемах и балах». Начальник Главного штаба Кавказской армии Дмитрий Милютин, впоследствии ставший военным министром, писал, как князь мог «умело и легко занимать своим разговором целый дамский салон... говорят даже, что на Кавказе существовало такое меткое выражение: женатому офицеру нужно больше опасаться Барятинского, чем горцев».

Собственно говоря, на Кавказ Барятинский и попал лишь потому, что закрутил роман с великой княжной Ольгой, отец которой, император Николай I, «сплавил» донжуана подальше от Петербурга. И, приехав в Грузию корнетом, Александр Иванович, послужив и в иных местах, в итоге покинул Тифлис уже фельдмаршалом. Причем, «прихватив» с собой правнучку царя Ираклия II, княжну Елизавету Джамбакур-

Александр Барятинский

Орбелиани, отбитую им у мужа, одного из штаб-офицеров, подполковника Давыдова. Потом даже состоялась неслыханная дуэль фельдмаршала с подполковником, после которой Давыдов вышел в отставку и развелся, а князь, женившись на грузинской княжне, был счастлив в браке.

Но при всем этом Барятинский был мудрым государственным мужем, он продолжил и развил преобразования, начатые Михаилом Воронцовым. С его именем связаны масштабные реформы почтовой службы на Кавказе и выпуск первой на территории Российской империи Тифлисской марки. При нем велась просветительская работа среди горцев и поощрялось изучение местных языков, он организовал пароходство по реке Риони, создал Общество восстановления христианства на Кавказе, привел дислокацию войск в соответствие с военно-административным делением края, привез иностранных инженеров, составивших проект железной дороги от Поти до Баку и план орошения края, реализованные намного позднее.

Ну, а непосредственно в Тифлисе князь учредил Итальянскую оперу и разбил большой сад, считая, что в центре наместничества нет места для публичных гуляний. И вот, как сообщал в своих «Очерках Кавказа» выдающийся писатель-путешественник и этнограф Евгений Марков, на участках от Головинского проспекта

в сторону Куры появился обширный сад, который «располагался почти в самом центре города, состоял из двух отдельных садов: нижнего – более обширного и верхнего – меньших размеров. Средняя и верхняя части сада имели различное назначение в более раннее время: верхняя часть сада служила кладбищем, а средняя находилась в частном пользовании. Сад был обустроен в 1859 г. при наместнике князе Барятинском, которым были куплены эти участки, вошедшие в состав Александровского сада». Сад, названный Александровским в честь императора Александра II, сверху был ограничен

внизу – Мадатовской площадью (сейчас – улица Георгия Атонели). Делящая сад на две части Саперная улица потом переименовывалась в Базарную, Бориса Дзnelадзе, Реваза Табукашвили. Когда-то на нижней террасе этой местности располагалось царское ристалище, Аспарези. Там проводились конные состязания, игры в мяч, джигитовка и даже петушьи бои, бои баранов, верблюдов... А главным в этом месте был ипподром, именуемый Кабахи – от персидского слова «мачта». Таково же было и название проводившейся здесь конноспортивной игры. Причем, на площади, равной примерно пяти современным футбольным полям.

Г. Д. Кутателадзе. Кабахи. 1970-е

Головинским (ныне – Руставели) проспектом, слева – Барятинской (Арсена Джорджиашвили, Георгия Чантурия), справа – Александровской (Георгиевской, Арчила Джорджадзе) улицами,

Игра «кабахи», проходившая и в командном, и в личном вариантах, имитировала боевые действия вооруженных всадников. На двух противоположных концах площади ставились кирпичные колонны или деревянные шесты, высотой в шесть метров. А на них размещались призы – чаши, которые могли быть и серебряными, и золотыми, или просто резиновый мяч диаметром в 15 сантиметров. Шеренга

участников игры выстраивалась метрах в 40-50 от них. Всадники по одному пускали лошадь в галоп и, не замедляя движения, пытались из лука попасть в приз. На это давалось по две попытки,

В. Ходжабеков. Кулачный бой. Начало XX века

Барятинская улица и Александровский сад

в командном зачете результат определялся по сумме попаданий в цель.

Но все это было развлечением знати, иметь лошадь мог позволить себе далеко не каждый. Поэтому простолюдины собирались на верхних террасах, появившихся на месте старинного кладбища. Тут помимо гуляний на масленицу главным развлечением были кулачные бои. Они продолжались на этом месте до середины 1840-х годов, когда внизу вместо Кабахи был обустроен военный Александровский плац для проведения маршировок и парадов. На плацу стояла пушка, ровно в 12 часов извещавшая город, что наступил полдень.

А с верхних террас стала исчезать самая любимая народом забава с безобидным названием «тамаша» – игра. На деле же это было поистине зубодробительное развлечение. С территории будущего сада оно переместилось на другой берег Куры, в старый район Авлабар, и просто нельзя не познакомиться с тем, что творилось в этой «тамаше». Итак, открываем первый номер газеты «Кавказ» за 1846 год:

«Вечером по праздникам все почти народонаселение города из Грузин и Армян стекалось на Авлабарское подворье и разделялось на две партии, одна состояла из живущих на Гаретубани, а другая из обитателей старого города. Каждая из них занимала

выгодную позицию обыкновенно в узком и длинном овраге и звала к себе противников; но ни та, ни другая не соглашалась сойти со своего места. Князья и Дворяне, принимавшие участие каждый со своей стороны, разъезжали верхами, вели переговоры, спорили, просили и наконец, большею частью побежденные в последнем бою, уступали и сходились с противниками. Зурны и барабаны начинали пищать и греметь, несколько весельчаков-бойцов с засученными рукавами, с обнаженной грудью, выскакивали вперед, дразнили, отпускали насмешки на счет противной стороны, толпа из нескольких тысяч хохотом сопровождала их шутки, противники отвечали тем же; и вдруг смелейшие удалцы, подпрыгивая, с криком ударили на

бойцов, стоявших перед ними, те встречали гостей с сжатыми кулаками и страшный бой закипал.

То с той стороны толпа народа хлынет вперед, поражая всех налево и направо, то с другой встречала ее свежая опора и в свою очередь теснила, ниспровергала нападающих, пока не была остановлена и сбита новыми силами, сформировавшимися позади своей линии для удержания натиска неприятеля. Таким образом, тысячи разъяренного народа, при ужасных криках, наступали, отступали, волновались вдоль оврага; только и видно было, как работали кулаки, да зачастую несчастные бойцы окровавленные, с выбитыми зубами и с шишками на лбу, выходящие и на четвереньках выползающие из боя.

Выход из нижнего Александровского сада на Мадатовскую улицу

И наконец, какая-нибудь сторона одолевала, прогоняла противников, но разбитая, снова иногда собиралась с силами и снова начинала битву, пока сумрак всех не разгонял по домам. Тогда победители, с песнями, при радостных криках возвращались в город и часто ближние духаны испытывали печальное следствие торжества, делаясь добычей ликующей толпы счастливых бойцов. Зато на другой день сколько кривоглазых и подвязанных ремесленников, приказчиков и купцов сидело в лавках на базаре, и сколько лежало дома, и сколько платило жизнью за удовольствие подраться; однако ж это не мешало кулачным боям постоянно оставаться любимейшим удовольствием тифлисских жителей».

И вот там, где недавно кипели столь бурные страсти и властвовала грубая физическая сила, появляются аллеи со скамейками, кустарниками и деревьями. Причем, появляются они все шесть лет до официального открытия сада, и допуск почтенной публики не прекращался ни на день. Так Александровский сад становится на правой стороне Куры главным спасением для всех, страдающих от жары. Создается он по проекту тогда еще малоизвестного архитектора Отто Симонсона, как считают некоторые специалисты, по аналогии с английскими парками.

Симонсон учился в Королевской академии изящных искусств в своем родном Дрездене у выдающегося теоретика искусства, автора новых архитектурных концепций в строительстве музейных и театральных зданий Готфрида Земпера. Первый большой самостоятельный проект Симонсона – общинная синагога в Лейпциге, после чего он в неоготическом стиле перестроил в Санкт-Петербурге столовую Шуваловского дворца, нынешнего Музея Фаберже, в 26 лет получил звание академика Петербургской академии художеств и был направлен в Тифлис. Где и проработал аж 45 лет, с 1858 по 1903 годы.

Александровский сад стал его первой работой в грузинской столице. Потом он спроектировал дом И. Тамамшева (сегодня – «Пушкинский мемориал Дома Смирновых») на улице Галактиона, Дворец наместника Кавказа,

бывший отель «Лондон» на Мадатовской площади перед теперешним Сухим мостом на улице Г. Атонели, реставрировал 1-ю классическую гимназию, воздвиг ныне снесенный памятник Михаилу Воронцову. А еще для Александровского сада в проект Симонсона входила общая планировка, исчезнувшие сегодня выставочные павильоны, новая ограда церкви Квашвети, фонтан и домик садовода.

А садоводом этим стал известный ботаник, ландшафтный архитектор Генрих Карл Вернер Шаррер. Опыта ему было не занимать – после университета Георга Августа в Геттингене выращивал растения для судьи Высшего регионального суда Огюстена в Потсдамском парке дикой природы, был администратором департамента придворного садоводства принца Штольберг-Вернигероде в Силезии. А приехав в Тифлис, лично подбирал все насаждения, которые специально выписывали и привозились с учетом местного климата. И так понравилась его работа городским властям, что Шарреру доверили сначала создание на Эриванской площади большого сквера, в котором позже поставили бюст Пушкина, а затем – руководство тифлисским Ботаническим садом.

Столь значительный зеленый массив, появившийся в середине главного проспекта Тифлиса, конечно же, требовал немало воды для орошения. И проблему решили, соорудив так называемый водвод Корганова. О том, что это такое, надо поговорить особо. Как свидетельствуют историки Георгий Бежиташвили и Мамука Гогитидзе, генерал-майор Гавриил Корганов, прослужив в артиллерии около 40 лет, оставил яркий след в истории Тифлиса, прежде всего, как общественный деятель и меценат:

«В конце 30-х годов XIX века у него зародилась идея о строительстве водоподъемного устройства для снабжения жителей города Тифлиса чистой питьевой водой. На собственные средства он приобрел в Екатеринбурге десятки тонн чугунных труб большого диаметра, а в Царицыне – дорогостоящую водонапорную машину. В 1843 году построил в Тифлисе первый в Закавказье чугунолитейный завод, на котором отливали необ-

Генрих Карл Вернер Шаррер

ходимые для водопровода трубы. По водопроводным трубам протяженностью в 15 км чистая вода поступала в Александровский сад и другие сады и скверы, во многие казенные и частные дома».

В общем, воду из Куры паровая водоподъемная машина, изготовленная на заводе этого «первого механического заводчика в Тифлисской губернии, притом, организовавшего свое дело без правительственной помощи», брала на Вере. И почти по всему протяжению Головинского проспекта доставляла по подземным трубам в бассейн Александровского сада, откуда перераспределялась по всем насаждениям господ Симонсона и Шаррера.

Бассейн этот находился в верхней части сада, в середине 1880-х на его месте построили по проекту еще одного немца – Альберта Зальцмана – Военно-исторический музей «Храм славы», ставший затем «Голубой галереей», а теперь – Национальной картинной галереей имени Д. Шаварднадзе. Бассейн же переместился пониже, в центр верхнего сада.

В общем, Александровский сад еще до официального открытия уже стал любимым местом отдыха горожан. Путешествен-

Часовня в честь спасения царской семьи

ник Евгений Марков свидетельствует: «Публика очень полюбила построенный Барятинским сад, и там всегда можно было встретить массу гулявших; но в конце 80-х гг. часть деревьев на верхней площадке, примыкавшей к Головинскому проспекту, вырубili для Военно-исторического музея; сад же стал излюбленным местом прислуги, солдат и т.п. Сам сад был густо засажен деревьями разнообразных пород и украшен во многих местах клумбами цветов». А в 1893-м корреспондент «Тифлисского листка», скрывающийся под псевдонимом Civiš, дает и вовсе разгромную оценку одному из главных мест отдыха тифлисцев и их гостей: «Александровский сад некогда привлекал массу публики, гремела военная музыка, били фонтаны, пускались ракеты, теперь же это — олицетворение «мерзости запустения». Стал проходным местом в центре города. Излюбленное место пребывания кинто, которые с раннего утра до позднего вечера заполняют все скамейки сада, иногда в сообществе «этих дам» с хриплым басом и обязательными двумя-тремя «фонарями» под глазами. Кроме того служит в некотором роде конторой для прислуги, которая стекается сюда с предложением своих сомнительных услуг в качестве повара, лакея, кухарки, няни и прочее. В холерное время служит удобным местом для бесплатной чайной, чем и исчерпывается вся польза этого многострадального сада

для города».

Не тогда ли родилась и сегодня звучащая песенка, которую с легкой руки (или уст) лихих тифлиссских кинто распевал весь город:

В Александровском саду
Музыка игрался.
Разным сортом барышень
Туды-сюды шлялся.

Барышен, барышен,
Какой ты хороший!
На мою болонку ты
Личностью похожий.

Не отставал в критике и Григорий Пальм, известный под псевдонимом Арбенин как актер

и переводчик многих пьес, редактор батумского «Черноморского Вестника». Подписываясь именем «Юморист», он публикует все в том же «Тифлиссском вестнике» такую зарисовку о досуге тифлисцев: «Богатый асортимент... развлечений для тифлисцев, остающихся в городе на лето: с утра глотать удушливую пыль, усердно развеваемую старательными метельщиками; греться на солнышке, поднимающем температуру до 30-ти и более градусов; хоть по целым дням купаться в мутной, грязной Куре, громко именуемой «рекою»; по вечерам находиться в приятном обществе карманщиков и пьяного сброда, гуляя по темным аллеям Александровского сада».

Впрочем, досталось и другим популярным местам отдыха: «Наслаждаться хриплыми звуками шарманок, громкими песнями подпивших кинто, бесконечным грохотом «дайра» и тому подобной художественной музыкой Михайловской улицы; по вечерам, когда полагается быть луне, а освещать улицы — фонарей не полагается, вывихнуть себе ногу, попав в одну из ям или рывтин образцовой мостовой; для перемены впечатлений, любоваться разрушением стен флигелей и других частей недвижимых городских имений; для возбуждения нервов, наткнуться на драку и скандал, нанявших постоянную квартиру в летних «садах» и «ресторанах»; вскарабкаться к вновь учрежденному «Отшельнику» на верхушке Давидовской

На аллеях сада

Фонтан в нижнем саду

горы, чтобы быть на высоте собственного величия; прогуливаться по Солдатскому базару или Майдану для освежения мыслей чистым воздухом...»

То есть, оказалось, что насадить европейские нравы и благолепие в тифлисских садах не удастся. Воистину, по Пушкину: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Хотя далеко не все так печально, как это казалось поборникам идеального порядка. Иначе нельзя было бы и сегодня с полным основанием повторить сказанные в XIX веке слова господ Бакрадзе и Березенова: «Этот сад составляет истинное украшение Тифлиса и сделался необходимою потребностью для городского населения, как спасительный оазис, в котором оно находит убежище в невыносимые летние жары...»

Конечно же, с годами сад не мог не преобразиться, время что-то меняло в нем, уходящие эпохи многое забирали с собой. Появились, а при советской власти исчезли, собиравшие тысячи людей церковные сооружения. Это Николаевский военный собор, при строительстве которого погиб создатель Сухого моста Джованни Скудиери и под стенами которого, выходящими на Георгиевскую улицу, по выходным собирався «блошинный рынок». Это часовня «в память чудесного избавления Императорской Семьи», когда Александр III, его жена и дети едва не погибли в железнодорожной катастрофе, унесшей жизни 23-х и искалечив-

временем попросту неактуален.

А вот мемориал с характерной пролетарской символикой сохранился. Пожалуй, единственный такой в Тбилиси. Он посвящен жертвам расстрела в 1918 году по приказу правительства независимой Грузии многолюдного митинга, который большевики организовали в день созыва Закавказского Сейма, подчеркивавшего отделение Закавказья от России. В советское время сад носил имя 26 бакинских комиссаров, потом – Коммунаров. А в память о жестоком разгоне мирного митинга в 1989 году теперь носит имя 9 апреля. Нижняя его часть сейчас именуется Парком Георгия Леонидзе.

Оба сада выглядят по-иному, чем еще несколько десятилетий

Вид на Первую классическую гимназию

шей 37 человек. Ну, а бюст Николая Гоголя исчез неизвестно куда уже после советской власти, в мутные 1990-е годы.

В постсоветское время были уничтожены такие наследия «эпохи строительства социализма», как памятники одному из основателей грузинского комсомола Борису Дзенадзе и соратнику Сталина по созданию подпольной бакинской типографии Ладю Кецохели. Исчезла и могила у лестницы, ведущей из верхнего сада в нижний. В ней был захоронен заведующий отделом строительства ЦК Компартии Закавказья Харитон Хацкевич, на свою беду оказавшийся похожим на Берия. И тот организовал покушение на него – якобы злодеи хотели убить самого Лаврентия Павловича, да ошиблись... Ну, а кинотеатр «Экран» в нижнем саду стал со

назад. На каменные плитки заменено покрытие аллеи битым кирпичом, группы деревьев прорежены, появилось огромное количество фонарей. А главное, установлена масса памятников – художникам Елене Ахвледиани, Ладю Гудиашвили, Давиду Какабадзе, Михаилу Зичи, актерам Рамазу Чхиквадзе, Отару Мегвинетуцеси, литераторам Игнатию Ниношвили и Георгию Леонидзе, политикам Георгию Чантурия и Анатолию Собчаку...

Словом, сад сочетает и современность, и бывшее, и думы. А большинство тбилисцев, услышав любое из названий нынешнего юбилея, «на автомате» промурлычет: «В Александровском саду музыка игралась». И дальше – по забываемому тексту о барышнях.

Елена Никитан

ТРИ МИНУТЫ ТИШИНЫ

■ **Евгения ПОЛТОРАЦКАЯ**

«Цвет небесный – синий цвет/ Полюбил я с малых лет...». Наверное, не найдется любителя поэзии, которого не волнуют эти строки пастернаковского перевода стихов гениального грузинского лирика Николоза Бараташвили. В рождественские праздники по каналу «Культура» в рубрике «Три дня тишины» оно прозвучало в двойном исполнении: на языке оригинала – грузинском языке – его прочитал актер, режиссер, советник канала «Культура» Игорь Пилиев, на русском – автор перевода, один из крупнейших русских поэтов XX столетия Борис Пастернак, и это соединение, слияние дало необычный, сильный художественный эффект. Высокий, благородный слог, духовный посыл Бараташвили, переданные Игорем Пилиевым, получили развитие в вольной трактовке Пастернака, признанной, как и оригинал, поэтическим шедевром, и возникла, как говорится, «вольтова дуга». И уже не важно, насколько точен перевод Бориса Пастернака. Хотя дотошные исследователи доказывают его несоответствие стихам Бараташвили. На это В. Татарский ответил так: «Точность хороша в бухгалтерии, но не в поэзии! От математики в ней только ритм строфы, остальное – от «золотистого порошка», которым месяц посыпает голову поэта». Оспорить это утверждение сложно.

О цикле «Три минуты тишины», подарившем нам радость встречи с Бараташвили и Пастернаком, мы поговорили с его режиссером Еленой Никитан.

– Идея проекта принадлежит главному редактору канала «Культура» Сергею Шумакову. По его мнению, русский язык переживает не лучшие времена, и единственная сфера, где еще сохраняется чистота русской речи, – поэзия. Шумаков предложил что-то придумать в этом направлении. Разговор состоялся за две недели до Дня Победы, и я подумала, что лучше всего, если стихи с телеэкрана будут звучать в исполнении авторов. На мой взгляд, ценность поэзии именно в авторском прочтении. Ко Дню Победы вышли первые двенадцать программ. Когда обдумывали название цикла, в голову пришла знаменитая строчка Юрия Визбора «А мы стоим и курим, мы должны / Услышать три минуты тишины». Но что такое три минуты тишины? Это международное понятие. На флоте каждые полчаса на три минуты наступает период радиомолчания, во время которого можно услышать сигнал SOS – крик о помощи. В сегодняшнем информационном потоке наш поэтический цикл «Три минуты тишины» – это своего рода крик, обращенный к людям, чтобы остановились, почувствовали, осознали, хотя бы ненадолго вырвались из чудовищного информационного пространства, в котором мы живем, и услышали настоящее слово. Такова предыстория нашего проекта. Когда мы выпустили 12 программ, то поняли, что кое-что удалось нащупать, что-то получилось. И дальше стали искать, копаться, рыть по разным направлениям, потому что и в самом деле очень многое проходит мимо нас незамеченным. Суть тех же самых поэтических вечеров в концертной студии Останкино из-за большого объема читаемых произведений теряется. А в нашем цикле выхватывается что-то одно. Ты смотришь и видишь, словно через микроскоп. И иногда возникают совершенно потрясающие открытия.

– Как родилась идея прочтения стихотворения «Синий цвет»?

– Существует единственная прижизненная запись Пастернака, которая была сделана в Тбилисском театре имени Шота Руп-

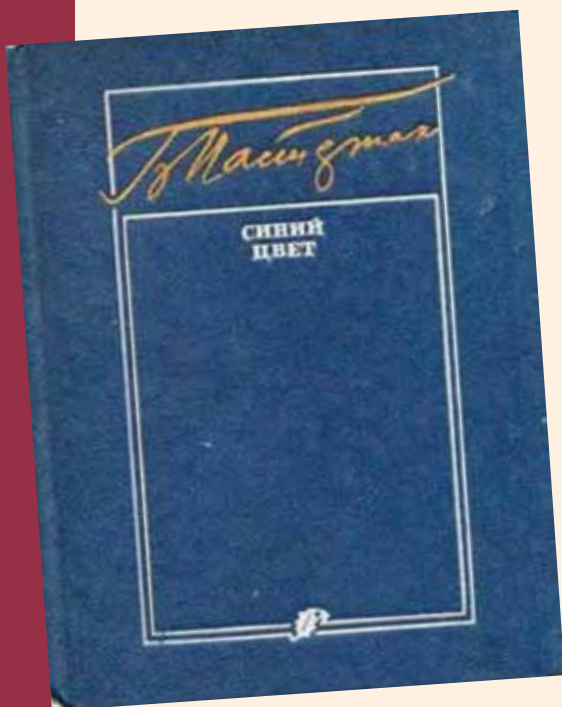
Николоз Бараташвили и Борис Пастернак

ставели. Когда мы посмотрели эту пленку, я поняла, что нужно пойти на эксперимент. Чтобы российский зритель услышал аутентичное прочтение – как звучат стихи Николоза Бараташвили в подлиннике. Понятно, что голос поэта не сохранился. Но, слава Богу, Игорь Пилиев согласился принять участие в проекте и совершенно замечательно прочитал Бараташвили на грузинском языке. Я решила соединить две записи – на грузинском и русском, и создать своего рода фугу. Чтобы Бараташвили и Пастернак как бы сплетались друг с другом. Мы пошли на еще один эксперимент. Цикл «Три минуты тишины» не предполагает вступительных слов или комментариев, просто звучит произведение – и все. Но было важно учесть, что современному зрителю, к сожалению, нужно пояснить, почему вдруг начинает звучать грузинская речь. Спасибо судьбе – у нас есть великолепный консультант, уникальный человек Павел Крючков – заместитель главного редактора журнала «Новый мир», заведующий отделом поэзии и, по сути, главный архивист российской поэзии. И я его попросила подготовить очень короткое вступительное слово. В программе, посвященной Бараташвили, возник любопытный прецедент:

соединены два совершенно разных стихотворения. Потому что Бараташвили писал не совсем о том, о чем говорит в своем переводе Пастернак. Там немного другая история. И нужно было помочь зрителю понять, ощутить эти нюансы. Павел Крючков с энтузиазмом согласился выступить со вступительным словом, и это была премьера нового направления проекта «Три минуты тишины», когда зритель заранее подготавливается к тому, что увидит и услышит.

К сожалению, сохранились в основном только аудиозаписи. Пастернака, к примеру, сняли, а вот видеоматериалов, сохранивших чтение Анны Ахматовой, не существует. Так же, как и нет видеозаписи чтения стихов многих других поэтов. Только фонограммы. И мы придумали, что такие фонограммы будут сопровождаться видеорядом из фотографий. Представляем поэта – зритель слышит голос и видит его лицо. Это второе направление нашего проекта. Третье родилось фактически спонтанно. Современный зритель, читатель не очень глубоко образован. Мало кому что-то говорит такое имя, как поэт Инна Гофф. А вот песню «Русское поле» знают все, и она автор стихов. Мы решили брать песни, которые у всех на

слуху, и придумывать к ним оригинальный видеоряд. Премьера этого направления – «Журавли» Расула Гамзатова. Так совпало – отмечался его юбилей. Не существует записи, где он читает свои стихи на русском языке, и Сергей Шумаков предложил: «Журавли»! Мы соединили фонограмму песни «Журавли» с фотографиями Гамзатова и кадрами хроники знаменитого памятника ветеранам. Получилась пронзительная вещь. 1 января мы показали «А снег идет». Песня на стихи Евгения Евтушенко. Кто это помнит? Хотя песню в исполнении Майи Кристалинской знают многие. Или популярная «Я люблю тебя, жизнь», которую поет Марк Бернес. А ведь автор стихов этой песни – прекрасный поэт Константин Ваншенкин. И вот мы каждый раз пытаемся представить зрителю какие-нибудь жемчужины. Но не надо думать, что нас интересует лишь архаика, и мы даем слово только великим, только классикам. В программе появляются и молодые – то, что называется мейнстримом. Таким образом, все идет вперемешку – классические и современные стихи. Задача цикла – показать, что поэзия вечна, она не может исчезнуть, как не может исчезнуть сама жизнь. Пока жив человек, будет существовать потребность в по-

наше право: есть произведения, которые выбиваются из этого формата «три минуты». Например, стихотворение Евтушенко «Матч «СССР – ФРГ», 1955». Оно не просто бьет наотмашь, от него мурашки по телу, а длится чтение 8 минут. И мы даем стихотворение в полном формате. Здесь еще и уникальная съемка – вечер Евтушенко в киноконцертном клубе «Эльдар». Очень редкая запись! Поэт уже не молод, со своим жизненным, творческим багажом, и поэтому на него еще интереснее смотреть. И слушать. С одной стороны, мы видим знакомого всем Евтушенко, но в то же время – это же целая уходящая Атлантида! Если нам попадают стихи, которые читают авторы, и хроно-

перестает быть носителем подлинного языка. Хватает волей или неволей те новшества, которые диктует цивилизация. Стиль СМС! Мы давным-давно перестали пользоваться сложносочиненными предложениями. Все очень коротко. Так что современная проза обеднена. Поэтому только поэзия. Классика? Мы это проходили – читали классику. Но если брать классику, она должна звучат целиком. Какой зритель выдержит «Евгения Онегина» даже в идеальном исполнении Сергея Юрского, Иннокентия Смоктуновского? Или «Войну и мир»? Не выдержит! Наверное, три минуты – действительно идеальный вариант, чтобы услышать, осмыслить и зацепиться. Пробудить интерес.

этическом слове.

– На ваш взгляд, это путь самосохранения?

– Абсолютно. В начале 2000-х мы встретились с Сергеем Никитиным во время записи в Политехническом музее, и он сказал мне: «Мы закрываем проект «Песни нашего века», никому это не надо!». А я, глядя на него, совершенно спонтанно возразила: «Да вы с ума сошли! У меня растет дочь, как я ей объясню, что значит признаться в любви? Нынешним языком, при нашей жизни? А вот поставлю «Не гляди назад, не гляди» или «Солнышко мое», и этим все сказано! Простите, «Песни нашего века» – настоящий учебник нормальных человеческих чувств – любви, дружбы, умения услышать чужую боль, вырваться из эгоистического состояния, в которое нас усиленно загоняют. Извините за пафос.

– Почему все-таки три минуты, а не, условно говоря, десять?

– Спасибо Визбору. Он предвосхитил открытие: Господь управил так, что три минуты – это оптимальный промежуток времени, в который мозг современного человека справляется с усвоением информации. А потом раз – и отрубается. Возникают лакуны. А три минуты – именно тот формат, который позволяет нам что-то совершенно спокойно воспринять и осмыслить. Вот так сошлось. Но мы обговорили

Художник Катя Черная

метраж превышает три минуты или меньше трех минут – а мы даем, как правило, одно произведение, в редких случаях – два, – то мы выходим за установленный формат. Большое видится на расстоянии, а здесь проявляется секрет микроскопа. Чтобы услышать музыку стиха, чтобы понять слово поэта, достаточно одного произведения. Когда оно звучит, появляется желание услышать, прочитать что-то еще из этого поэта... Возникает вполне естественный интерес: «А что он еще написал?»

– Вы планируете работать с прозой?

– Нет. Она в отличие от поэзии очень подвержена влиянию времени. Проза засоряется,

Это своеобразная заманка, чтобы люди вернулись к книге, печатному тексту. Не к планшетами! Чтобы было тактильное ощущение.

Возвращаясь к Бараташвили и его «Синему цвету»... «Аутентичное» чтение Игоря Пилиева – кстати, бывшего актера и режиссера Тбилисского театра имени Грибоедова, воскресило в памяти другого «грибоедовца» – великого Георгия Товстоногова, режиссерский путь которого начинался на этой сцене. Все помнят его простое и вместе с тем глубокое, мудрое прочтение стихотворения Бараташвили в переводе Пастернака...

ГЕНИЙ – СТРАСТНЫЙ, ГРЕШНЫЙ И ЛЮБЯЩИЙ

— Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Я приехала в Грузию с Урала, в Тбилиси у меня не было ни одного знакомого человека. В родной Перми работала в газетах, писала и в московские журналы. Оказавшись с дочкой в чужих краях, я попыталась найти работу. Думала, если ничего путного не найду, пойду в дворничихи, но хоть год проживу в Тбилиси. Повезло, меня приняли в отдел культуры и информации в русскоязычную газету «Вечерний Тбилиси». Я занялась знакомым делом в незнакомом городе и окунулась в Тбилиси, как в омут – с головой. В его театры, в мастерские художников, в высокие замыслы архитекторов... И в невероятные запахи рынков, в толчею жарких автобусов и в глубокую прохладу метро. Кстати, именно в метро я выучила грузинский алфавит – по названиям станций, которые тогда крупно писались по-грузински и помельче по-русски... Культура в самом широком смысле и в самых неожиданных местах и формах – всем этим я и стала жить.

Мы с второклассницей-дочкой оказались на Московском проспекте. «Дальше только Африка», – так говорили мои новые знакомые из районов Ваке,

Верэ и Сололаки. Это не было шуткой, сразу после Московского проспекта начинался район под названием «Африка»...

В центр, в редакцию – сначала трамваем, дальше на троллейбусе до Авлабра. Потом могла ехать на метро или идти пешком. Чаще ходила пешком. Однажды, сойдя у Авлабара, я пошла на Винный спуск. Март 1984 года. Был холодный вечер, с Куры надвигался туман. Вместе с туманом ко мне приближалась процессия, похожая на похоронную. Несколько дудкистов и аккордеонист играли рыдающую, рвущую душу музыку. Впереди процессии шел крепкий бородатый мужчина, он нес перед собой патефон с огромной, похожей на цветок лилии, трубой...

Это был Сергей Параджанов.

Я его узнала, потому что смотрела его фильмы, видела фотографии, и читала о нем статьи в журнале «Экран».

...Надо сказать, я с юности писала стихи, но в Перми почти не печаталась. Оказавшись в Тбилиси, на удачу отнесла несколько стихотворений замечательному, можно сказать, великому литературоведу и редактору Георгию Георгиевичу Маргвелашвили. Его знали едва

ли ни все поэты СССР, потому что именно он впервые опубликовал в журнале «Литературная Грузия» тогда еще мало кому известных Ахмадулину, Вознесенского, Евтушенко, Леоновича и много кого еще из лучших поэтов... Тогда их впервые узнала большая страна.

Ах, «ЛитГрузия»... Это был очень важный в Советском Союзе журнал, дитя оттепели (год основания 1957, тираж 22 тысячи). Его ценили и сочинители, и читатели – в Перми, Ташкенте, Вильнюсе – везде. Гия Маргвелашвили был в нем не только членом редколлегии. Раз в году он собирал из лично им отобранных произведений особый, единственный в своем роде номер журнала. Он выходил под девизом «Свидетельствует вещий знак». В результате публикации я попала не просто в хороший журнал, но и в очень хорошую компанию, в круг людей, которых запомнила и полюбила. Они стали моей средой, можно сказать, родней по общей судьбе. Все мы были «люди не местные», не тбилисские, но породнили нас любовь и горячее любопытство к этому удивительному городу. Волнующему... За один 1985 год моя новая, не зависящая от прописки «среда обитания» расширилась необычайно и щедро наполнилась тбилисцами...

Конечно же, весь этот литературно-киношно-научно-артистический слой знал Параджанова и говорил о Параджанове бурно и разнообразно. Сергей был – возмутитель спокойствия! Им восхищались, возмущались, любопытствовали. О нем ходили слухи, легенды, сплетни, а иногда и невероятные враки. Что было, чего не было – понять было нельзя. Я, например, запомнила одну сомнительную историю, которую слышала раза три, каждый раз по-разному. Вот она. Параджанов с друзьями (предположим, с Гией, Беллой, Шурой, еще кем-то) отправились в храм на вечерю (в зависимости от рассказчика компания и название храма менялись). Идет служба, на амвоне священник... Неожиданно Параджанов быстро идет к священнику, падает перед ним на колени и начинает целовать

«Тени забытых предков»

батюшке руки. Тот был очень смущен, но все-таки его благословил. Параджанов встал и в низком поклоне быстро попятился к выходу. Друзья за ним. Когда вышли из храма, они его обступили, стали спрашивать, что это было. А Параджанов стоит под фонарем надув щеки, молчит. Наконец, подставляет к губам ладонь и выплевывает на нее несколько сверкающих камней. Показывает потрясенным друзьям. И сообщает: «Эти рубины и сапфиры я выкусил из перстней на руке священника. А вы что думали?!» Все ахнули, кто-то возмутился, кто-то нервно захохотал. А Параджанов, совершенно удовлетворенный, исчез в темноте.

Ну конечно, это был розыгрыш! То есть даже неизвестно — был ли. Все, абсолютно все с Параджановым могло быть. Но могло и не быть. Однако, если представить, что именно этот случай в самом деле имел место, то фокус объяснить просто: исполнитель заранее приготавил цветные камушки (между прочим, он называл себя сыном тбилисского антикара — не знаю, так ли это) и в темноте положил их за щеку... А дальше — как по киносценарию — колени преклонение, бегство на выход, надутые щеки, мерцание

драгоценных камней на ладони.

Он устраивал перформансы — вот что он делал всегда! Хотя и слова такого в СССР не было.

Параджанов был абсолютной звездой в самых разных социальных кругах, от тюрьмы до светских салонов. Он творил ужасное, смешное и трагичное — из всего. И для всех. И при любых обстоятельствах... И, непостижимым образом, часто получалось — необычайно прекрасное.

По всему-поэтому для тбилисцев он был, что называется, «вах!».

В его голове царил сложный, общекавказский многонациональный противоречивый дух. А еще страсть к красоте. Его фильмы были высоким и неожиданным для мира завораживающим художественным высказыванием, совершенно новым словом в мировом кинематографе. Им восхищались эстеты. Но он всего лишь искренне соз-

давал именно красоту для всех, всенародное, глубоко трогательное, даже темную душу, кино. Такое, как «Тени забытых предков», мистический, мерцающий и никакими словами не объяснимый фильм о невозможности, невыносимости, гибельности любви — о гуцульских Ромео и Джульетте. Его посмотрели миллионы зрителей. Все смотрели это чудо, в том числе и я.

...Вернемся в Авлабар 1984-го, к процессии, во главе которой идет Параджанов и несет старый патефон. Впечатление от первой встречи осталось навсегда. А он, как мне кажется, всегда чутко ловил впечатление зрителей. Пусть даже единственного и случайного зрителя. В тот вечер публики было очень мало — погода была отвратительная. Зато я — точно была поражена увиденным. И почему-то до сих пор думаю, что он это заметил. В холодных сумерках, в тумане — заметил незнакомую женщину, спешащую по своим делам, которая в смятении застыла на ходу, открыв рот... И все-таки пошла за ним и его музыкантами. А ведь это, как я позже узнала, была просто репетиция «на натуре» одной из сцен будущего фильма «Пиромани».

Впервые я попала в дом Параджанова со скульптором Гией Джапаридзе. Во дворе старого здания Гия устанавливал небольшую бронзовую цаплю, стоящую на одной ноге в центре маленького круглого бассейна с фонтанчиком, вполне типичном для тбилисского двора — в нем хорошо охлаждать в жару арбузы, дыни, вино... Красивый армянский мальчик пригласил нас наверх. В это время с веранды на втором этаже донеслись вопли и топот. Мы подняли головы. Я увидела, как толстая женщина бежит по веранде с тарелкой в руке. Вот она, как дискобол, швыряет свой снаряд в кого-то уже убежавшего, этот кто-то невидимый то ли плачет, то ли хохочет, а тарелка вдребезги разбивается о дверь. Если правильно помню, женщина была сестрой Параджанова. Потом все стихло, и мы спокойно поднялись в дом и познакомились.

Он часто творил представления такого рода, иногда на гра-

ни и за гранью приличий — для себя, для зрителей, для поднятия духа.

На мой взгляд, Параджанов был трагической личностью, но при этом совершенно не унылым человеком. Больше того — не терпел уныния. Но трагедии, через которые жизнь вела Сергея (никогда не звала его Сергеем), многим казались чуть ли ни розыгрышами. Это было не так...

Меня, недавно приехавшую с Урала, края мрачноватого и молчаливого, Параджанов беспокоил, возмущал и смущал. Но одновременно и очень интересовал. А он, заметив мое смущение, мельком глянув, вспыхивал глазами и нарочно принимался рассказывать и показывать поострее, посолонее. Как мне казалось, специально для меня. Я краснела. А он смеялся и говорил: «Вот цветок раскрылся, расцвел!» Я не могла этого вынести. Уходила. И вообще стала его избегать.

Но годы прошли... И я вспоминаю об этом с грустью и без всякого осуждения.

...Вот незадача, путаюсь в годах, потому что жила в Тбилиси долго, а потом множество раз приезжала и уезжала тоже надолго, даты и события в голове смешались. Но мне кажется, его знаменитая выставка в тбилисском Доме кино, на откры-

тии которой я была, произошла после его последнего ареста — незадолго до или уже во время перестройки. Тогда за Параджанова вступились деятели культуры, он отсидел в предварительном заключении около года, а на суде его отпустили. Было это при Шеварднадзе. Параджанов уехал в Киев, а когда вернулся в Тбилиси, открыл невероятную выставку, которая стала событием мирового масштаба. Приехали отовсюду художники и корреспонденты, был там, конечно, и тбилисский фотограф Юрий Мечитов, наверняка тоже снимал все происходящее... Выставка ошеломляла, по всем параметрам она была совершенно невероятной новостью для тех далеких, вполне еще советских лет...

На ней, к примеру, присутствовал манекен по имени Сержик, вполне одушевленная личность. Вместо головы у Сержика была птичья клетка, и в ней сидел, изредка хлопая крыльями и картаво ругаясь, живой попугай. У этой «головы» была седая борода Параджанова и его же старая шляпа. «Сержик» — как бы сам Параджанов работы Параджанова, был центром выставки. Автор пришел вместе с красавицей женой Светланой и сыном Суреном, специально приехавшими из Киева. Народу было битком, так что выстав-

ку посмотреть было не просто. Только на следующий день, когда народу и фотовспышек было поменьше, я смогла все рассмотреть подробно: фантастические инсталляции и коллажи, эскизы костюмов, раскадровки знаменитых фильмов Параджанова... Но наибольшее впечатление произвели на меня его тюремные рисунки и поделки времен самой первой «командировки» автора «на зону». Материалом и инструментом для творчества там было лишь то, что можно было добыть в камере или бараке. Художнику годилось все, от окурков, которыми, оказывается, можно рисовать, до картонок, содраных с тюремных посылок – годились вместо полотен. Из крышек из фольги, которыми тогда закрывали молочные бутылки, Парджанов создал как бы коллекцию римских монет с профилями римских императоров... Работал он и ржавыми гвоздями, и зубными щетками. А как повезло художнику с порошком для чистки зубов и ваксой для башмаков! И даже хозяйственное мыло работало клеем для коллажей.

Шариковые ручки появились гораздо позже, они подоспели к последнему, перед-перестроечному аресту художника. На необычайной выставке в тбилисском Доме кино были представлены десятки, если не сотни

рисунков этого периода. Целая стена выставки сплошь состояла из них, из разноцветных, сделанных цветными шариковыми стержнями на случайном мусоре – на конвертах, промокашках, газетных обрывках, на листочках, вырванных из школьных тетрадок и записных книжек, даже из неинтересных библиотечных книг. Что на них было? Портреты сокамерников, и – по памяти – тех, кто ждал его на воле, и просто сюжеты реальной жизни на реальной зоне. «Капричос» Гойи отдыхает. Сюжеты страшные, смешные, чудовищные. Философские и просто издевательские. Но до чего же талантливые! Автор и в самом деле был мастер. И времени своего зря не терял.

Так пчелы сочатся медом и прополисом, как большой художник – искусством. Ему не важно, где и какие «цветы жизни» дают ему пыльцу и нектар.

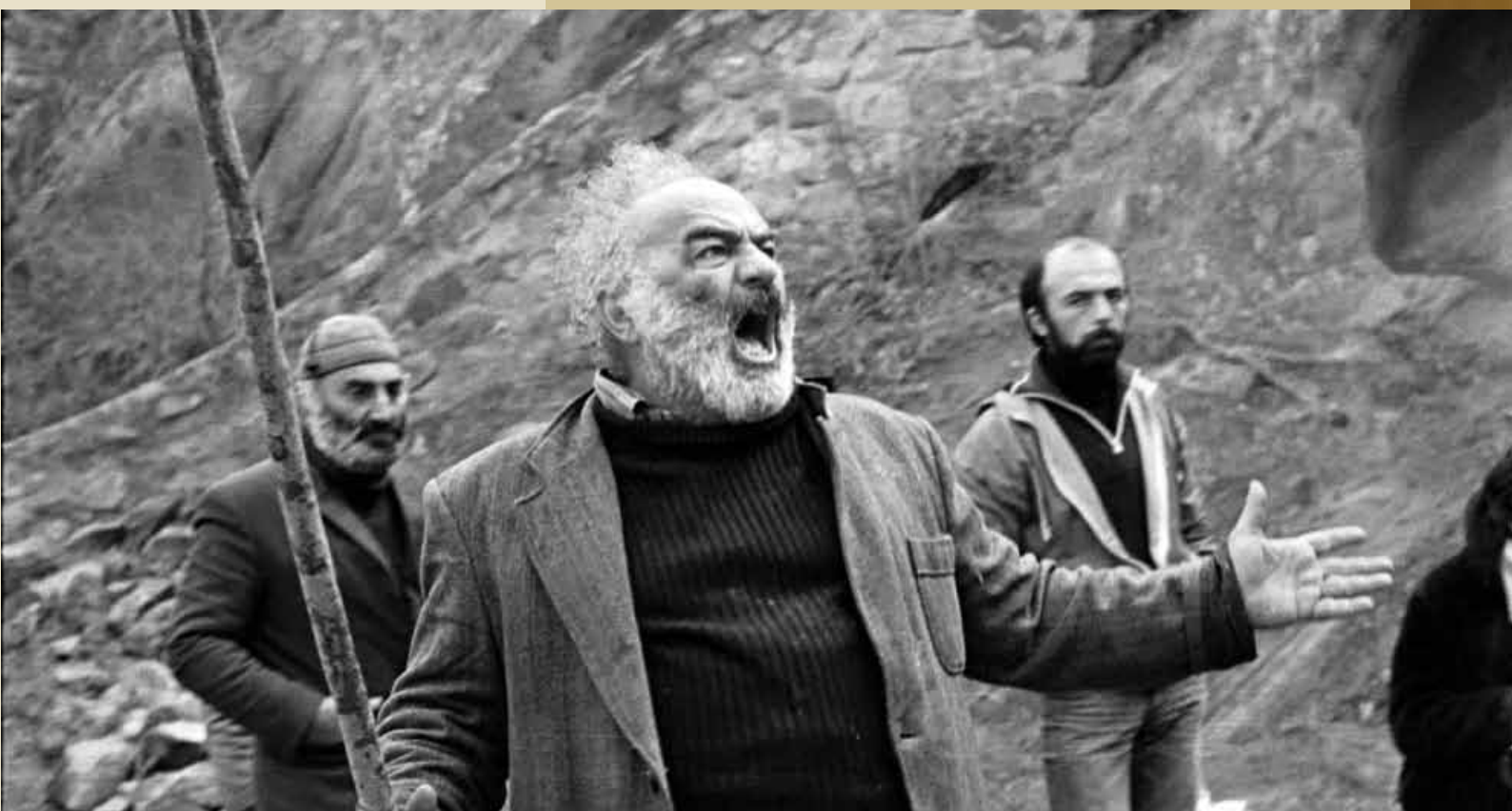
У меня в Тбилиси был старший друг, Виктор Николаевич Джорбенадзе. Архитектор, образованнейший человек, объехавший и изучивший храмы и крепости русского севера и шедевры архитектуры половины Европы. Был он профессором тбилисской Академии художеств. Не только старые друзья, но и молодые архитекторы, его ученики, знали и (в разговорах между собой) пользовались детским прозвищем Джорбенадзе – Буца... В то время в Тбилиси достраивалось одно из самых красивых, странных, но гармоничных, зданий, какие мне приходилось видеть. Вообще-то автор задумал храм четырех религий, однако начальство надеялось на новый Дворец бракосочетаний. Автором проекта был Виктор Джорбенадзе, и я была об этом наслышана. К счастью, очень скоро меня с ним познакомил его друг, архитектор Гига Батиашвили. Он привел меня в один из старинных особняков, еще в девятнадцатом веке построенных, как говорили тбилисцы, «на бровке». То есть на кромке обрыва прямо над Курой, сразу после Метехи... Это была уже ветхая изящная ампирная, хотя и деревянная, постройка с голубой верандой, выходящей к реке. Насколько

помню – дом князей Мачабели. Здесь по предложению Союза архитекторов и Мэрии и поселился архитектор Джорбенадзе. А вместе с ним и все его, собранные за долгую жизнь, коллекции тбилисского интерьера – тысячи предметов. Там, в этом чудном скрипучем доме, мы с Виктором Николаевичем не только познакомились, но и подружились. А он, как оказалось, был давним, с юных лет, другом Параджанова.

Отношения у них были далеко не идиллические, они часто спорили. И это не всегда был «высокий спор»... Параджанов, невероятно азартный человек, мог, если ему что понравится, взять да и утащить. Как считал, он имел на это право. А коллекции Буцы официально стали музеем тбилисского интерьера, то есть собственностью города. Он был назначен мэрией хранителем своей коллекции – так я понимаю. Некоторые ссоры друзей происходили при мне. Глядя на них, можно было бы умереть со смеху, но иногда и всерьез испугаться. Параджанов начинал, как тигр, ходить по комнате. Вот он тычет пальцем в шкафчик и говорит: «Ты помнишь, кто это принес?» – «Это ты принес», – отвечал Виктор. Параджанов шел дальше. «А вот эту персидскую парсуну семнадцатого века, ты помнишь, кто принес? Это я для тебя отыскал!» – шторм начинал крепчать. Джорбенадзе как бы еще спокойно сидел на воронцовском диване под картиной Елены Ахвледиани, но уже нервно закуривал папиросу. А Параджанов пускался в крик: «И ты – Ты! – зажимаешь какой-то съеденный молью ковер, который мне нужен для кино, для пятна в кадре! Ты не хочешь мне дать его даже на время?! Я тебе верну! Все верну!» – «Знаю я, как ты все возвращаешь, – холодно отвечал Буца, но грозно поднимался с дивана. – Ты и отыскать не сможешь мой ковер на своей свалке. Не дам!»

На самом деле они были близкие, очень верные друзья, и всегда поддерживали друг друга, как могли. Я хорошо это знала. А все же – волновалась за обоих.

Между тем времена наступали тяжкие...

Расскажу о последней их встрече, которой была свидетелем. Уже настал 1990 год, Буца перенес инсульт, дом не отапливался, не было и света. В Тбилиси всем было трудно. Параджанов заболел тяжело, он знал, что умирает. По каким-то своим последним делам пришел в Авлабар, и первым делом зашел к Виктору Николаевичу. Я там оказалась случайно — просто заходила иногда пешком с Московского проспекта, приносила хлеб или щепки для буржуйки, что стояла в спальне.

Там же, в спальне на стене всегда висели параллельно друг другу два светильника родом из Сванетии, это были оловянные, сложной конструкции держатели для факелов. Им, помнится, тоже не раз случалось становиться предметом спора между друзьями. Параджанов уверял, что именно он подарил их Буце, и пытался забрать обратно. Он говорил Буце: «Зачем они тебе?» — «Но ты ведь подарил», — резонно парировал Буца. Не помогало.

А в этот раз Параджанов молча подошел к ним, потрогал,

подумал. И как бы вдруг догадался, как с ними быть. Он просто соединил два светильника крест на крест. Распараллелил. Они тихо звякнули и переплелись.

У меня мороз по коже от воспоминания. Буца болен, Параджанов помирает...

Они оба молчали. И наконец Параджанов сказал о светильниках, не поворачивая головы: «Ну вот, теперь правильно. Это ты, а это я».

...Я бывала в прекрасном музее Параджанова в Ереване с моей подругой, армянской поэтессой Соной Ван. Мы обе пришли к выводу, что музей должен быть и в Ереване, и непременно — в Тбилиси. Параджанов был насквозь тбилисский человек, был сыном этого города и частью его души. Здесь жили несколько поколений его предков. Он называл себя «просто сыном тбилисского антиквара». Может и правда, был сыном антиквара. Доподлинно лишь то, что Параджанов никогда не бывал «просто». Как всякий большой художник он принадлежит не только своей судьбе, но, простите за пафос, миру. Он был собирателем грузинской

старины, занимался историей и литературой всего Кавказа. Да, он армянин, тбилисский армянин. Это прекрасная каста.

Открыть его музей в Тбилиси было бы благородно и честно.

Я думаю, красота действительно спасает будущее мира. На мой взгляд, не все, что представлено в современном искусстве, можно назвать красотой. Но у Параджанова — получилось. Время подтвердило. Его искусство выросло из самого густого замеса жизни. Слабое на такой почве не смогло бы выжить. Конечно, оно не умрет.

От дома Параджанова ничего не осталось. Как и от того фонтанчика, в котором Гия Джапаридзе поставил бронзовую цаплю. Но, думаю, еще возможно и нужно по крохам собрать утраченное. Не это ли показала его огромная посмертная выставка в тбилисском Каравансарае, которая прошла лет десять назад?

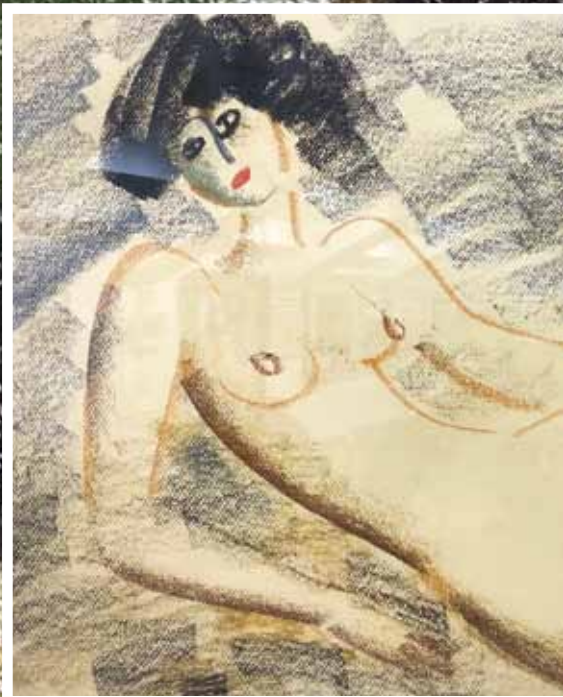
По материалам документального сериала Хосе Маджинере «Беседы о Сергее Параджанове».

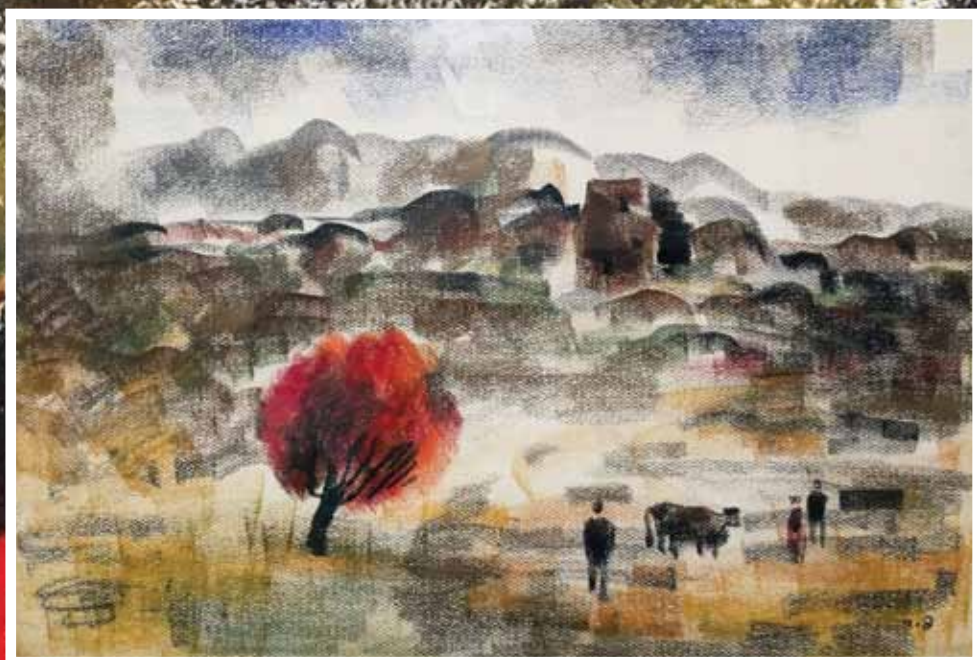

ВСЕ, ЧЕМ УКРАШЕНА ЖИЗНЬ

Тенгиз Мирзашвили (1934-2008) – художник, сценограф, график, член Союза художников СССР, заслуженный художник Грузии, актер. Родился в Местии (Сванетия). Окончил Тбилисскую академию художеств, где впоследствии преподавал. В 1972-2004 гг. работал в Детской картинной галерее, один из ее основателей. В 1977 г. по приглашению Андрея Тарковского оформил его спектакль «Гамлет» в театре им. Ленинского комсомола в Москве. Участник многочисленных персональных и групповых выставок. В качестве актера принял участие в фильмах «Мольба» (реж. Тенгиз Абуладзе), «Чудаки» (режиссер Эльдар Шенгелая) и др. Из-за характерной прически за художником закрепилось прозвище Чубчик.

«Он писал трогательные пейзажи, прекрасных несбыточных женщин, цветы, птиц – все, чем украшена жизнь, – пишет фотохудожник, журналист Юрий Рост. – Своей нежной наивностью и чистотой он напоминал Нико Пиросманишвили, на которого был похож. Он любил друзей и недолгих знакомых, которым щедро и смущаясь (не обременяет ли своим творчеством) раздаривал чудные полотна и рисунки».

ПАЛЬТО НЕ НАДО

■ Юрий РОСТ

Патриарху-Католикосу Грузии Илие II, поэту, художнику, композитору, нашему старому и мудрому знакомому грозило восьмидесятипятилетие и одновременно сорок лет его патриаршества.

Год, когда он возглавил Грузинскую православную церковь, я как раз помню, поскольку мы доброй компанией на машине «Москвич», вызывавшей сочувствие к владельцу не только в Грузии и именуемой в этих местах «азликом» (АЗЛК), ехали щадяще трезвые на кахетинский храмовый праздник Алавердоба.

Мы пели песни и разговаривали, но все же заметили черную «Волгу», пытавшуюся обогнать «азлик» на узкой дороге.

— Почему райком партии хочет приехать раньше нас?

Началась дорожная игра «ну-ка обгони», когда вдруг любимый друг Миша Чавчавадзе, художник, мечтавший восстановить настенную живопись в старых храмах, оглянувшись, сказал:

— Там не райком, в машине.

Там священник.

Проезжая мимо съехавшего на обочину «азлика» молодой еще тогда, красивый человек в рясе улыбнулся нам, приветливо поднял руку и благодарно кивнул головой.

— Это же новый Патриарх! — сказал Гоги. — Он едет на свою первую службу в храме Алаверди.

Я забрался тогда на хоры и широкоугольником «Руссар» снял кадр, который, на счастье, сохранился. Этим изображением я и хотел открыть посвященную Илие II фотовыставку в Грузинской патриархии.

Двадцать два мольберта расположили незамкнутой подковой и стали расставлять портреты.

Патриарх наблюдал за нашими действиями, и хотя наступило время дневного отдыха, он остался досматривать монтаж экспозиции. Или не так: он остался, чтобы в памяти своей вернуться назад, в Алаверди, и повторить сорокалетний свой путь (потому что снимал я его много) и узнать на фотографиях себя.

— А это 9 апреля? Вы меня

сфотографировали?

Поздний вечер. Люди на проспекте Руставели со свечами. Много людей. Молодых, пожилых, разных. Идет митинг. И вдруг к микрофону подходит Илия II. Он напряжен и озабочен. В затихшее пространство он неторопливо и четко говорит о том, что ему стало известно о готовящемся жестоким разгоне митинга. Патриарх предлагает всем укрыться от агрессии за забором храма Кашвети, расположенного рядом. Демонстранты читают молитву «Отче наш» и решают остаться на месте перед Домом правительства.

— Тогда я остаюсь с вами, — говорит Патриарх. И остается.

Эта карточка оказалась где-то в середине экспозиции.

Поставили мы фотографии друг с другом впритык, чтобы пестрое и многоцветное убранство зала не отвлекало от черно-белых снимков.

Он с трудом поднялся из кресла и, опираясь на руку служки, медленно, с остановками пошел вдоль плоских свидетельств его трех-, а может, и четырехмерной жизни. Приблизившись к моим и его друзьям, к двум Георгиям, знаменитым актерам — Харабадзе и Кавтарадзе — он, не глядя на меня, поднял к ним голову и сказал:

— Он живет вне времени.

Не уверен, что это комплимент, но, может, так ему показалось. На самом деле фотографии живут во все времена свидетелями (или обвинителями) времени... Но, возможно, в словах старца был иной смысл. Жить вне времени могло означать, что в своем времени не хватает места. Но это чересчур лестно.

Грузинам повезло. Илия оказался чистым человеком с высоким нравственным уровнем, при этом сохранившим человеческое обаяние, юмор и непреклонную нежность. (Сочетание слов в его случае совершенно естественное.) Он — масштабная личность, и даже в своем значительном возрасте и частом нездоровье остается серьезной и вполне толерантной опорой в формирующемся самосознании свободной Грузии. Это высокий интеллигент, способный при всей сложности и предопределенно-

сти роли на оригинальные, не-тривиальные ходы. Вот пример. Каждый третий ребенок в грузинской семье может рассчитывать на то, что его крестным отцом будет Патриарх-Католикос Илия II. Рожайте грузин, ребята, и войдете в духовное родство с Патриархом.

Был сочельник.

— Приходите в десять тридцать. Откроем выставку, и пойдете на Рождественскую службу.

Мы приехали чуть раньше и бродили по залу, выравнивая мольберты, когда подошел довольно молодой батюшка и сказал:

— Его Святейшество приглашает вас к себе.

Я пошел. Гоги на правах друга Патриарха присоединился ко мне.

— Простите, батона Гоги, но он пригласил его одного, — сказал поп, и Харабадзе остался в зале.

Я вошел в опочивальню. Илия II сидел в белых шелковых одеждах: свободных штанах, рубашке и жилетке. Сопровождавший меня священник постоял в дверях до того момента, пока Илия не поднял на него глаза. Я подошел, и мы обнялись.

— Спасибо, — сказал он, видимо, за выставку. Потом помолчал и тихо, как он теперь говорит, произнес: — Я хочу подарить вам пальто.

Я растерялся, хотя знал, что он человек с юмором.

— Какое пальто?

— Красивое. Оно висит за вашей спиной.

Я оглянулся. На плечиках, на кронштейне, прикрепленном к стене, висело невероятного шика и красоты пальто с бирками и тонкий шерстяной шарф. Это был двубортный черный «Роллс-Ройс» с лацканами, отделанными нежнейшей черной мерлушкой.

— Наденьте!

Пальто сидело как влитое. На красных бирках была надпись: «Armani». Патриарх посмотрел на меня в пальто и сказал, что это хорошо. Я снял пальто и аккуратно повесил на место. Ощущение другой жизни пронеслось совсем рядом. Я даже почувствовал движение воздуха.

Если б я был чист, трудолюбив и нежен, если б я любил пи-

сать слова и верил в чудесную их красоту, как Акакий Акакиевич, если б я копил и мечтал построить себе знак другой, может быть, очень высокой и содержательной жизни, то в храме — шинели от Армани был бы ее смысл. И тогда я бы напялил пальто на себя, осторожно — чтобы мои любимые друзья-разбойники не сняли его — и вышел в свет новым человеком. Но зачем? Если ресурс старого не полностью еще реализован? Простите, дорогой Башмачкин. Или, лучше поймите: не по нам одежда эта, и тягота добровольно носить вериги от кутюр не по нам. Чувство немотивированной вины зачем-то посетило меня в этот момент.

— Вы знаете, с каким уважением и доверием я отношусь к Вам! Все подарки — Библию, грузинские иконы, кресты — я принимал с благодарностью и храню до сих пор.

(Примечание внутреннего цензора: на самом деле почти все. Крест Святой Нины носит мой сын Андрей. Большой золотой крест с распятием я подарил отцу Алексею Уминскому, моему другу, замечательному священнику и человеку в день 25-летия его службы в церкви. Браслет с автографом Патриарха достался Георгию Николаевичу Данелии.)

Я расстегнул ворот рубашки и показал ему его подарок — маленький серебряный грузинской работы крестик, на котором перегородчатой эмалью была изображена виноградная кисть (символ Христа).

Он слушал внимательно, глядя на меня поверх очков.

— Вы видите, как я одеваюсь. Джинсы, свитер, кроссовки... Носить это пальто я не буду. Некуда. Да и неловко. А передаривать такой ваш подарок нехорошо.

Он кивнул. Я приобнял его и вышел.

— Ну? — спросил Харабадзе с пристрастием. — Ну?

— Пальто хотел подарить.

— Где оно?

— Не взял.

— Ты с ума сошел! Патриарх хочет подарить пальто, а он отказывается!

— Я не ношу пальто.

— Носил бы... В конце концов,

мог бы кому-нибудь подарить...

Я посмотрел на Харабадзе: мой приблизительно размер.

Тут подошел Гоги Кавтарадзе.

— Ты представляешь, ему Патриарх дарит пальто, а он отказывается!

— Свое пальто?

— Какое свое! От Армани, с бирками. Двубортное. Лацканы из каракульчи.

— Почему не взял?

— Во-первых, надо образ менять: костюм, рубашка, галстук или бабочка, туфли... И жизнь менять, и друзей...

— А во-вторых?

— Ну взял бы я пальто, и, допустим, оно бы у меня было. И все! А так возникла легенда. Патриарх подарил ему пальто...

— Армани.

— Армани. А он не взял.

Тут в зал вошел Илия II, и вся компания, пришедшая на ночную службу, во главе с премьер-министром застывала в почетном карауле. Он прошел мимо и сказал тихо:

— Не захотел пальто.

Потом мы сидели, разговаривали с ним, пока не наступило время идти в храм. Подошла Шорена, помощница и близкий ему человек. Я спросил, не обидел ли я Илию II отказом от пальто.

— По-моему, ему это даже понравилось, — сказала она. — Он знает этот анекдот — «Пальто не надо».

Конечно, не обиделся. Подарок состоялся. Он ведь не в вещи, а в намерении. Намерение — очень важная часть нашей жизни. О том, что благими намерениями вымощена дорога в ад, — мы слышали много раз. Привыкаешь к хорошо сформулированной кем-то когда-то глупости до такой степени, что не вдумываешься в смысл. А как совершить доброе дело, если у тебя нет желания или потребности его сделать?

Действительно, как?

*«Новая газета» № 114, 2019
Печатается с сокращениями*

Сердечно поздравляем Юрия Михайловича Роста с юбилеем! Здоровья и радости! И да сбудутся наши надежды на новые встречи!

«МАТЕРИЯ» НАТАЛЬИ НАФТАЛИЕВОЙ

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Гость журнала «Русский клуб» — российский дизайнер моды, создатель авангардных коллекций и костюмов для театра, кино и телевидения, кинорежиссер Наталья Нафталиева. В 2014 году Наталья сняла полнометражный фильм-мистерию «MATERIA», отмеченный наградами на международных кинофестивалях: California Film Awards, Accolade Global Film Awards, Canada International Film Festival, Trenton Film Festival, Oregon Film Awards, International Independent Film Awards, ECG Eurasian Film Festival, London (Гран-при). В экспериментальной работе Н. Нафталиевой женская природа трансформируется в пространстве и времени, проходя эволюцию от античных божеств до образов наших дней.

— Я захотела изучить природу женщины, женской силы, — говорит Наталья Нафталиева. — Женщина, по сути своей, — созидательное начало, источник самого бытия, богиня, дарящая жизнь. Но вот в чем загадка: в разрушении и уничтожении она также сильна, как и в дарении жизни. Какие же триггеры срабатывают, чтобы трансформировать женщину-богиню в некое чудовище? Мне было интересно исследо-

вать сам процесс превращения, метаморфозы. Все это осмыслено через историю, мифологию, христианские притчи, современный контекст — провокации, вызовы, которые случаются в жизни любого человека. Это законы нашего бытия. Они выражены в событиях, лицах, конкретных образах. И вот что происходит — сегодня ты Афродита, а завтра шихидка с поясом... Она — Вечная Женственность — проходит чере-

ду превращений на протяжении всего фильма: Праматерь, Богиня красоты, Богородица, Муза, Родина, Свобода на баррикадах Революции, Великая Искусительница и Смерть. Она — агрессор и жертва.

— В фильме вы представляете и свои дизайнерские создания.

— Это давние мои работы, я их расставила в картине как опорные, символические точки в развитии сюжета. Своего рода каркас. Так что коллекция была мне помощником, а толчком оказались конкретные события прошлого: самые страшные театральные акты в истории России — захват театрального центра на Дубровке в Москве, захват заложников в Беслане. Мне было важно показать, как женщина, несущая созидательное начало, рождающая детей, становится на тропу терроризма, идет убивать. Как может так переродиться женская сущность? В нулевые годы происходило то одно, то другое. И мне была всегда интересна женская сила. Мне хотелось творчески исследовать этот феномен — как женщина низвергается с небесного дома и превращается в страшное существо.

Картина оказалась в чем-то пророческой. Премьера состоялась в 2014 году, когда, собственно, и запустились события, приведшие к сегодняшнему дню. В моей картине нет правых и виноватых. Все поступки моей героини были обусловленными. С ней происходят ужасные вещи, и каждый раз она совершает выбор. Женщина больше не может быть жертвой — жертвой она была много раз. И вот все меняется: жертва становится палачом. Некая внешняя сила творит новый образ этой женщины. Ведь все мы находимся под давлением каких-то темных сил, роковых обстоятельств.

Актриса, сыгравшая Женщину, — Даша Пашкова. Девушка пришла на кастинг, и я сразу почувствовала: у нее лицо праматери. Поворот головы — и в лице Дарьи появляется что-то африканское, другой ракурс — и мы видим черты еврейской женщины, новый угол зрения — и перед нами русская. Из Дарьи Пашковой можно было создать и Афродиту, и Богоматерь, и модель, и проститутку, и ведьму. Я

как дизайнер ценю людей, из которых можно сотворить все что хочешь. Будучи художником, не могу пойти на компромисс в вопросе красоты – у актрисы должна была быть идеальная фигура. И у Дарьи Пашковой действительно исключительно красивое тело. Актриса окончила ГИТИС. Она сейчас снимается, хоть и в небольших ролях. А в нашей картине Даша сыграла Женщину с большой буквы. Со мной работал известный сегодня артист пластической драмы, режиссер по пластике, учившийся вместе со мной во ВГИКе, – Доржи Галсанов. Мы прекрасно понимали друг друга в процессе работы. В нашем кино нет диалогов – все передается через пластику, движение. В детстве я тоже занималась балетом, и любовь к движению осталась со мной навсегда. Я постоянно слежу за каждым поворотом, за каждой мелочью пластической партитуры, постоянно это контролирую. А Доржи проделал очень большую работу. В нашем кино вообще работали профессионалы.

– Огромную роль в вашем фильме играет музыка. Расскажите об этом.

– Сначала о вокале. Сайнхо Намчилак – тувинская джазовая певица, которая сейчас живет в Австрии, у нее уникальный голос, она обрабатывает шаманские песнопения и включает их в джазовые композиции. Композитор и известный джазовый музыкант Владимир Миллер живет в Лондоне, из третьего поколения русских эмигрантов после революции 1917 года. Он автор

большей части музыки фильма. В картине использованы также композиции Андреаса Волленвайдера и английской культовой группы Dead Can Dance (Мертвые умеют танцевать) – я получила на это разрешение.

– Как приняли картину?

– Неоднозначно. Кто-то воспринял ее как провокацию – по непонятным для меня причинам.

«Materia» – фильм достаточно жесткий, но не вульгарный. Видимо, существует зашоренность восприятия. Если на экране обнаженное тело – значит авторами движет желание удивить или спровоцировать. Но, мне кажется, причина неоднозначного восприятия фильма в том, что кому-то неудобна правда о том, насколько мы можем быть страшными, насколько человеческая природа, мягко говоря, далека от совершенства. Мы себе просто боимся в этом признаться.

– В фильме обнажено не только тело актрисы, но и сущность человеческая...

– Да, то, на что мы способны в критические моменты жизни. И как мы часто не понимаем, на что способны, и вдруг, совершенно неожиданно, обнаруживаем в себе зверя. В зоне комфорта удобно находиться, но, когда тебя из нее выбивают, выбивают пинком, тебе становится очень нехорошо. И ты начинаешь говорить автору неприятные вещи.

– Мне кажется, пинком из зоны комфорта сегодня выбиты очень многие.

– Мы снимали наш фильм в мир-

ное время, но у кого-то возникает ощущение, что это было вчера. Мне сказали: у тебя красивое страшное кино. В чем-то оно перекликается с эстетикой Питера Гринуэя, его фильма «Дитя Макконы», Педро Альмодовара.

Да, я сняла страшное кино – но в жизни я нормальный, веселый человек. Просто у меня апокалиптическое сознание. Я

всегда вижу темную сторону за чем-то светлым. Не могу воспринимать только позитив, жизнь ведь к нам разными сторонами поворачивается.

– Кино – это всерьез и надолго? А как же мода?

– Меня всегда интересовала концептуальная мода, больше костюмы, чем мода как таковая. Модой я тоже занималась. Но главным в своих занятиях считала именно концептуальную, авангардную моду. Когда ты работаешь с фигурой человека и пытаешься выразить через нее какие-то смыслы, то неизбежно придешь к тому, что расширяешься, выходишь за пределы фигуры человека. Ищешь смыслы в окружающей реальности, в других образах. В какой-то момент я поняла, что самое синтетическое из всех искусств – кино. И оно мне помогает выразить и свои дизайнерские идеи. Кино мы традиционно воспринимаем как историю, сюжетную канву, следим за судьбами людей. А

«Materia»

Дарья Пашкова

потом приходит осознание, что есть другое кино, которое работает с образами, метафорами, смыслами. Самое главное для меня – поле деятельности, возможность приложения визуального языка. Точнее, я расширяю свой инструментарий визуального языка – могу сейчас работать со смыслами на другом поле. Когда-то мне посоветовали поступать во ВГИК. В итоге окончила Высшие режиссерские курсы при Всероссийском государственном институте кинематографии имени С. Герасимова. Год училась в мастерской кинорежиссера Валерия Ахадова, потом окончила двухгодичные режиссерские курсы у Анны Новиковой... Мы бегали на лекции к сценаристу Юрию Арабову. Опекала нас известная в среде кинематографистов личность – Татьяна Дубровина, мы посещали лекции лучших мастеров, учились монтажу у Натальи Тапковой. Те, кто хотели учиться, впитывали в себя знания. Вспоминаю, как готовили учебные работы с известным ныне оператором Даней Фомичевым – это выпускник последнего курса Вадима Юсова. Мы, «сдвинутые по фазе» на кино, были очень увлеченными и находили друг друга...

– Так что кино сегодня ваш приоритет.

– Дизайнер моды – это мой дом. Когда я выхожу за его пределы, то хочу делать что-то еще. Выражать себя как художника в

области кино мне было бы интереснее.

– Знаю, что вы написали сценарий о судьбе русского художественного авангарда в Узбекистане.

– Да, в фокусе моего творческого исследования – судьбы художников-авангардистов в Узбекистане – это Елена Коровай, Михаил Курзин, Александр Волков, Георгий Никитин... У всех были сложные судьбы. Невозможно обо всех рассказать в одном фильме. Мне нужно было выбрать одну историю – женскую. И я выбрала Елену Коровай. Есть в сценарии и другая женская линия – живописец, график Надежда Кашина – она пошла по другому пути, более компромиссному. Но она тоже прекрасный художник. Кто-то идет на соглашательство и, может быть, при этом не теряет в искусстве. Но почему-то нас привлекают личности, которые не идут на соглашательство. Мы ими восхищаемся, ведь они тяжелее живут, несчастливы в личной жизни. У них масса проблем! И нам, режиссерам, их судьбы интереснее. Потому что многие видят в них отражение собственных бед, страданий, метаний. Если художник не находит созвучие со своей судьбой, то остается равнодушным. Поэтому неблагополучие героя – залог интересного сюжета.

– Но этот ваш сценарий предполагает сюжетное кино – в отличие от первой картины.

– Да, это историческое кино, но в конце картины прозвучит призыв к будущему. Если сценарий не претерпит каких-то изменений. Фильм «Материя», возможно, был моим переходом из одной области в другую. Невозможно из дизайнера сразу превратиться в режиссера, ты должен пройти через этот мостик... Но, я думаю, мое игровое кино тоже будет в какой-то степени экспериментальное. Потому что я все время стараюсь соединить несоединимое, нахожу то, чего не видят другие. В своей дизайнерской коллекции, к примеру, я соединила туркестанский авангард, центрально-азиатскую эстетику, колористику, геометрические фигуры. Все это перекликается с беспредметниками, художниками-авангардистами.

Но это с художественной точки зрения. А в кино нам любопытен герой, интересно, как люди осваивались и выживали, чтобы остаться художниками.

– И при этом обогащали свое творчество, соприкасаясь с восточными традициями.

– И своим творчеством – местную культуру. Судьба сценария еще не определена, неизвестно, выйдет ли фильм вообще. Ведутся переговоры с продюсерами, но чем это все закончится, неизвестно. Грех не сделать этот фильм. История проехала бульдозером по человеческим судьбам. Русский авангард – это наше все, наше изобретение. Он вырос из европейского авангарда, но это совершенно самобытное направление. Кто-то был репрессирован, кто-то тихо жил, стараясь не привлекать к себе внимание. Кто-то преподавал и нормально себя чувствовал, не изменяя своему творчеству. Пока еще есть свидетели этих процессов. Я сотрудничала с Мариникой Бабаназаровой, последовательницей художника, подвижника Игоря Савицкого, создателя Нукусского музея в Каракалпакстане, по крупицам собравшего уникальную коллекцию туркестанского авангарда. На этих произведениях урюк сушили, ими дырки на чердаке затыкали. Эти холсты были практически полностью утрачены. Савицкий их реставрировал, пробил Нукусский музей и сохранил его сокровища. А сам он был учеником Роберта Фалька. А Мариника Бабаназарова возглавила музей после смерти Савицкого. Я с ней поддерживаю связь, она мне рассказала много интересного, подарила книги, которые очень помогли в написании сценария. Словом, проделана большая работа. Но пока мне не удалось заинтересовать продюсеров.

– Почему выбрали своей героиней именно Елену Коровай?

– Коровай – маленькая женщина, она ничего не боялась, была тверда в своем желании делать то, что хочет делать. Ей были не страшны ни голод, ни холод, ни одиночество. Кидало ее по жизни как щепку... Художники-авангардисты, о которых идет речь в сценарии, были энтузиастами советской власти, а не обижен-

ными диссидентами. Но в какой-то момент стало понятно, что запал энтузиазма никому не интересен, что нужно быть просто удобными. А удобными они быть не могли. И вот человек пытался себя сохранить. Никаких крутых поворотов в жизни Коровай не было, но она, как зеркало, отражает судьбы всех художников, которых знала и с которыми работала. Это мрачные страницы нашей истории 20-30-40-х годов прошлого столетия. Интересно, как талантливые люди в разные исторические эпохи друг с другом взаимодействовали и в итоге рождались прекрасные произведения искусства, проводились событийные выставки. Высоко оценивая творчество Елены Коровай, художник Владимир Фаворский в 1950-е годы приглашает ее переехать в Москву. В тот период она была очень больна и всеми забыта. К сожалению, вследствие обстоятельств послевоенного времени самаркандские работы перевезти в Москву художник не смогла – чудом сохранившиеся холсты удалось обрести только в начале 60-х. О ее вступлении в творческий союз приходилось только мечтать... Много лет Елена Коровай жила случайными заработками. Вступила в Московский союз художников только в 1969 году.

– *Вы говорили, что у вас лежит еще один сценарий о мире моды, fashion industry?*

– В моем сценарии много выдуманного, мне было важно показать, кто эти люди, что они хотят от этой жизни и как идут к своей цели. Все это очень интересно. Хотя модная индустрия в России – вовсе не большая индустрия. Главные сражения идут не на данном поле. Если мы говорим о моде как поле деятельности, то в этой сфере можно построить только малый бизнес. Большой бизнес – это огромные деньги. Чтобы стать значимой фигурой, тебя должна поддерживать либо страна, либо серьезный бизнес. То есть ты должен быть витриной чего-то другого. Существуют ведь еще и криминальные схемы. Так что у нас модный бизнес так и не сложился. В 90-е он начал было поднимать голову, но в итоге все осталось на уровне

таких авторов, как я. А также небольших или средних фабрик, лабораторий. Это не тот бизнес, который, к примеру, существует в США. Я изучала американскую модную индустрию. Там очень простой принцип. Находятся дизайнеры, которые представляют свои коллекции на модных показах, шоу, и им делают заказ. Сеть магазинов покупает продукцию в рассрочку. А у нас магазин предоставляет только аренду площади. Так что модная индустрия у нас – это не бизнес, а скорее ярмарка тщеславия. Поэтому в моем сценарии прорисовывается абсурдистская история. Если она будет реализована...

– *Некогда вы приезжали в Тбилиси в качестве члена жюри конкурса дизайнеров.*

– Да, и меня очень заинтересовали концептуальные идеи молодых грузинских дизайнеров. Не знаю, как сейчас с модой в Тбилиси, но то, что было представлено тогда, было очень любопытно. Я удивилась, увидев такие авангардные вещи в Грузии. Мы привыкли подобные эксперименты связывать с Прибалтикой. Хотя что удивляться, если Тбилиси, Грузия – Мекка процветающей художественной, музыкальной, театральной деятельности? Здесь вообще обитают творческие люди, безумно одаренные. Когда я хожу по Тбилиси, у меня полное ощущение, что я в Европе, но с восточными акцентами. Грузия всегда была свободолюбивой – я имею в виду внутреннее чувство независимости. Грузины не пытаются что-то доказать, убедить кого-то в том, что этот правитель тиран, а другой – хороший, они на психологическом уровне свободные, гибкие, пластичные, и, как мне кажется, легко адаптируются в сложных обстоятельствах. А творческий дух здесь присутствует, это безусловно. Я ощущаю себя здесь, как в старом Париже...

– *Ваши учителя – те, кто оказал на вас влияние?*

– Олег Школьников, пластический актер московского театра на Таганке. Внутри института он создал Театр костюма, и по этим лекалам я уже делала свой Театр моды. И Олег даже успел с нами поработать, поставить

какие-то показы. Был рад, что кто-то из его птенцов сумел себя интересно проявить. А потом, в лихие девяностые, Школьников без вести пропал. Эдуард Фарбер, возглавлявший концертную дирекцию «Фестиваль» при Минкульте РСФСР, тоже помог мне сделать свой театр. Но через год все развалилось, по-

Из коллекции Натальи Нафталиевой

тому что не стало РСФСР. Не обязательно, чтобы у тебя был учитель – гуру, который дает тебе какие-то знания и умения. Влиять на тебя может и ровесник, если он духовно настолько наполнен, что ты у него учишься. Ирина Раппопорт поверила в мою идею и вложила в нее свои личные деньги – так родился фильм «Materia». А что она с этого имеет? Фильм не продан. Но Ирина в меня поверила, у нас возникло родство душ. Она сегодня поддерживает творческую молодежь, и все – тихо. Никто об этом не знает. Совершает поступки не для того, чтобы себя прославить. Учишься у таких людей благородству души и великодушию. Они тебя переворачивают силой своей личности, харизмой, красотой души. И ты ловишь себя на том, что иногда мелко мыслишь, не так оцениваешь жизнь. Ведь мы учимся не на словах, а на поступках. Личности, влияющие на тебя, – это люди деятельные. Они реально наш мир улучшают, делают благороднее, преобразуют.

МЕРАБ КИЛАДЗЕ – хирург, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой хирургии Тбилисского государственного университета им. Джавахишвили, руководитель департамента хирургии Американского госпиталя в Тбилиси.

Окончил Тбилисский государственный медицинский институт, лечебный факультет в 1980 г. Прошел научную и клиническую стажировку в клинике Мэйо, Рочестер (США), в университетских клиниках гг. Мюнхен, Вюрцбург, Франкфурт (Германия), а также г. Токио (Япония) и Национальных центрах хирургии и онкологии г. Москва (СССР, Россия).

Он бывший президент Общества Хирургов Грузии им. Мухадзе, член Американского колледжа Хирургов, Международного Колледжа Хирургов, член редакционного совета журнала «Анн. Итал. Хир.» (Рим, Италия), член Европейской ассоциации эндоскопической хирургии и Европейского общества хирургии.

В 1997 г. награжден Почетной медалью, в 2001 г. – Орденом Чести президента Грузии. В 1999 г. награжден Почетной медалью тысячелетия 2000 г. (ABI, США).

Эксперт в области общей хирургии Министерства труда, здравоохранения и социальной защиты Грузии. Почетный гражданин г. Батуми (Грузия).

ДОЛГ

■ Мераб КИЛАДЗЕ

Посвящается маме

Теплая летняя ночь. Среда. Как всегда, в этот день недели хирургическая клиника дежурит по городу. Вот и сегодня, вроде бы, обычное дежурство: поступают больные, уже сделано несколько операций, четыре часа утра. Тихо, скоро рассвет. Дежурная бригада отдыхает. В ординаторской сидит молодой, но уже достаточно опытный хирург М., и делает запись в истории болезни пациента. Звонит телефон: дежурная медсестра просит именно его спуститься в приемное отделение и осмотреть больную, которую только что привезла машина «скорой помощи». Больная Х., молодая, приятной наружности женщина оказывается к тому же студенткой медицинского института, а к своим коллегам, настоящим и будущим, у М. отношение особенно доброжелательное. После первых же вопросов пациентка проникается доверием к симпатичному, уверенному в себе молодому доктору, от которого исходит какое-то неуловимое тепло, участие и спокойствие. Закончив осмотр и сделав соответствующие анализы, врач устанавливает диагноз – острый аппендицит. Показано срочное

оперативное вмешательство. У больной имеется одна деликатная просьба:

– Доктор, у меня трехмесячный ребенок. Его должны скоро привезти. Пожалуйста, закончите операцию к шести часам, чтоб я смогла покормить ребенка.

М. на мгновение заколебался, смутно вспоминая что-то знакомое из своей жизни, но, быстро овладев собой, мягко и в то же время уверенно ответил, что делает для этого все возможное, и, отдав соответствующие распоряжения, направился в операционный блок.

Пять часов утра. М. моет руки в предоперационной и начинает злиться, так как больную еще не привезли в операционную. Он все время поглядывает на стенные часы, а в мозгу сверлит мысль: надо закончить операцию к шести часам, надо успеть, слышишь, парень, надо. Он привык разговаривать сам с собой, часто подтрунивая над собой... Наконец появляются санитары с каталкой. Все, теперь надо успокоиться и спокойно сделать свое дело.

Так, операционное поле обработано, местная анестезия сделана. Разрез. Теперь в голове начинает стучать другая мысль: дай бог, чтобы все прошло нормально, без осложнений. Ведь все может быть...

Обычно М. оперирует быстро, уверенно, без суеты и лишних движений. Хирургическая техника у него прекрасная, да и практика, несмотря на молодой возраст, богатая, ведь оперировать он начал со студенческих лет. Но сейчас почему-то, выражаясь профессиональным языком, он начинает «дергаться»: каждые две-три минуты спрашивает, который час, злится на ассистента и операционную сестру без особых причин, спешит. А ведь вроде бы все идет нормально, обычно, и только М. знает, почему он так торопится. В голове опять рой мыслей, и одна подленькая мысль выходит на поверхность и услужливо спрашивает: в конце концов, а что случится, если с кормлением ребенка опоздать на 15-20 минут или на полчаса? Ничего особенного не произойдет, так ведь? Наверное, не произойдет...

Как часто мы хотим оправ-

даться, облегчить себе условия, избежать трудностей, выйти сухими из воды. Но от себя никуда не уйдешь, никуда не денешься, себя не обманешь. Хотя многие и пытаются – и ходят всю жизнь с определенным имиджем, с маской. Жизнь – игра, не так ли? И все мы в ней актеры. Ведь так говорят? Говорят. еще Драйзер утверждал: цените себя высоко, хоть бы и не по заслугам, и вас будут уважать. Общество в целом на редкость плохо разбирается в людях... Да, но ведь должны быть и такие, которые не носят масок, у которых свои, истинные лица. А маски... Маски надо срывать. Ведь рано или поздно истинная сущность человека все равно проявится.

Громкий внутренний голос перекрывает и заглушает все: нет, парень, нет, произойдет, произойдет. Не имеешь ты права увиливать. Операцию надо закончить вовремя, и ребенка надо покормить в шесть утра, и все. Баста. Вспомни ситуацию, которая случилась много лет назад с тобой и твоей матерью.

– Да, вспомнил – ответил себе М. – У меня долг детства, который я должен, просто обязан заплатить. И я сделаю это именно сегодня, сейчас. Обязательно сделаю. Или перестану себя уважать.

М. вдруг моментально успокоился, к нему вернулись обычная решительность, уверенность в себе и собранность. Движения стали четкими, правильными, выверенными. Все встало на свои места. Вскрыв брюшную полость, М. сразу обнаружил червеобразный отросток – воспаленный, утолщенный, инъецированный сосудами. Он ловко вывел его в рану, перевязал у основания, отсек и быстро удалил. Контрольный осмотр брюшной полости на предмет кровотечения или другой патологии. Все нормально. Теперь надо поскорее ушить рану и заканчивать операцию.

Внутренний голос поздравляет – молодец, парниша, ты парень что надо, теперь можешь петь. М. любил под конец операции напевать про себя различные мелодии. Особенно классическую музыку. А самый любимый его исполнитель – конечно же, неповторимый Лучано Паваротти. Вот и сейчас он начал мурлыкать

себе под нос одну из его песен. Бригаде передалось хорошее настроение, заработали весело и дружно. Все прошло гладко. Светает. Наверное, это последняя операция за дежурство, и еще удастся отдохнуть и поспать часа два.

Все, операция закончилась. Какой час? Без двадцати шесть. Прекрасно.

В предоперационной ассистент спрашивает у М., почему он вначале «дергался», и к чему была такая спешка.

– Понимаешь, мне в шесть утра надо обязательно позвонить одному близкому другу по очень важному делу, – объяснил М.

– Именно в шесть утра? – удивился помощник.

– А что в этом особенного? Дружба – понятие круглосуточное, не так ли?

Оба весело рассмеялись. Получилось удачно, подумал М. Он быстро переоделся, сменил халат и спустился в отделение. Приоткрыв дверь в палату, прислонился к дверному проему и во мраке палаты, благодаря коридорному свету, увидел сцену: на крайней слева кровати лежит счастливая мать, а рядом, закутанный во все белое, ребенок, который сопит и мирно сосет грудь. Белый, кажется, цвет невинности и чистоты, подумалось ему.

М. как-то сразу ощутил страшную усталость и в то же время необыкновенную легкость – по телу разливалось какое-то приятное, сладкое и большое чувство. На минуту он прикрыл глаза, и ему вспомнилась собственная история.

В небольшом портовом городе, где он родился, у его матери, когда ему было несколько месяцев, тоже случился приступ острого аппендицита. Ее оперировал в экстренном порядке известный в городе хирург А., которого, к сожалению, уже нет в живых, армянин по национальности. Он для него, маленького грузина, спас его маму. Сразу после операции его тоже повезли к матери для кормления, и он умудрился ударить ее ножками в живот, прямо по операционной ране. Его еще не раз привозили к матери в больницу. Наверное, с того самого времени и остались в памяти большой холл, высокая лестница, высокие белые стены и

потолок, белые накрахмаленные халаты, ослепительная белизна кругом, чистота и ощущение специфического больничного запаха. Но может ли трех- или четырехмесячный ребенок что-либо помнить? Вряд ли. Но тогда откуда у него это видение? Неизвестно. Хотя все может быть...

А вот и его долг. Он же в долгу перед тем хирургом А., который тогда, тридцать лет назад, спас его маму. Что ж, он сегодня счастлив, потому что сполна и честно заплатил свой долг.

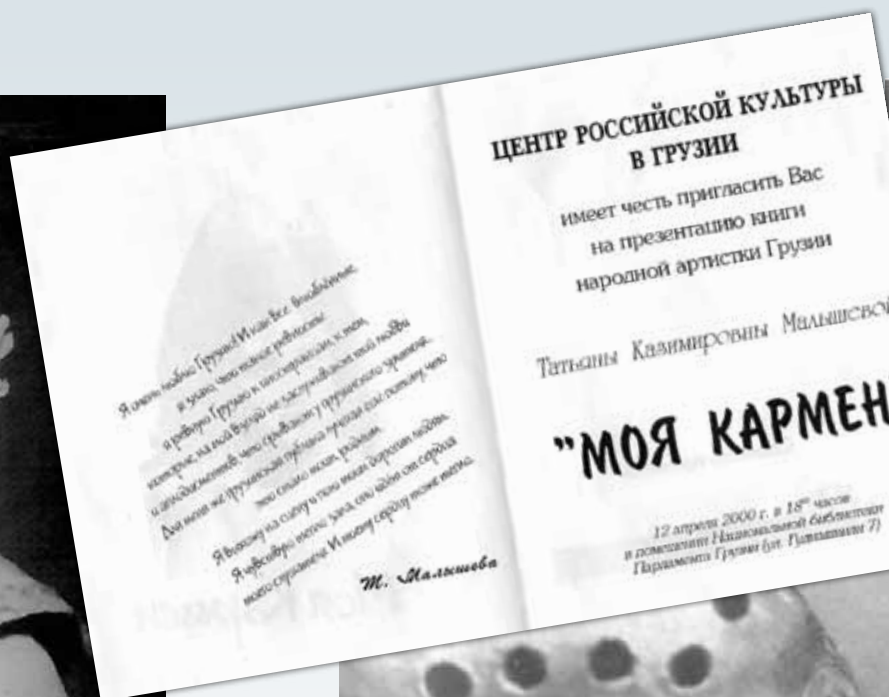
«Доктор! – позвали вдруг М. – Мы хотели бы с вами поговорить». Это родственники больной – муж, свекр и свекровь. М. открыл глаза, вышел из оцепенения и ответил: «Иду». Он мысленно благословил ребенка: «Будь здоров, дорогой. Расти здоровым, малыш. Только не ударь ножками маму по животу, как я когда-то, а то ей будет больно». И направился в ординаторскую. Там он коротко рассказал родственникам об операции, отметил, что все прошло нормально, и больная скоро поправится. Родственники, на вид люди солидные и состоятельные, поблагодарили М., и муж пациентки, немного смутившись, протянул конверт с гонораром. М. мягко отклонил его руку и вкратце объяснил, почему не может принять гонорар. У свекрови на глазах выступили слезы, все как-то притихли... Потом еще раз поблагодарили врача и вышли из ординаторской.

Слава богу, хорошие оказались люди, отметил про себя М., все правильно поняли. Надо будет рассказать об этом случае маме, она очень обрадуется.

Сделав запись в истории болезни, М. отложил ручку и вновь задумался. А ведь тот хирург А., из маленького портового города, тогда тоже не взял гонорар. Да, история повторяется. Кто знает, может быть, и этот малыш, когда вырастет, тоже станет врачом. Возможно, хирургом. И, конечно, будет помнить об этом эпизоде своей жизни, о котором ему наверняка расскажет его мама...

И он тоже по-своему заплатит свой долг.

Все мы когда-нибудь платим свои долги. Правда, каждый по-своему...

НЕТ ГРАНИЦ МЕЖДУ СЕРДЦАМИ

■ **Годердзи РТВЕЛИАШВИЛИ**

УВЕЗИ МЕНЯ ОБРАТНО В ТБИЛИСИ

Татьяна Малышева. Это имя хорошо знакомо тбилисцам старшего поколения.

В далекие 50-е годы прошлого века молодая, очаровательная, одаренная вокалистка, выпускница Московской консерватории с изумительным меццо-сопрано по приглашению директора Тбилисского театра оперы и балета Дмитрия Мchedлидзе приехала в незнакомый ей город и навсегда связала с ним свою судьбу. Грузия стала для коренной москвички второй родиной. Свою книгу «Моя Кармен» Татьяна Малышева завершила такими словами: «Я благословляю мою звезду, которая осветила мне путь в Грузию и дала неоценимый дар — сотни друзей, ласковых, любящих».

Здесь она снискала успех в партиях Амнерис («Аида»), Марины Мнишек («Борис Годунов»), Азучены («Трубадур»), Нано («Даиси»), Любаши («Царская невеста») и, конечно, в самой знаменитой своей роли — Кармен. Здесь она стала Народной ар-

тисткой республики, кавалером Ордена Чести, настоящей любимицей публики. Здесь Татьяна вышла замуж за Бабкена Хореняна, солиста ансамбля народного танца Грузии, а впоследствии — знаменитого в Тбилиси кутурье. Их гостеприимный дом на улице Барнова был местом, где творческие люди замечательно проводили время в дружеских беседах за щедро накрытым столом. И, конечно, излишне уточнять, что Татьяна Казимировна очень дружила с соседями. Как гласит грузинская пословица, «близкий сосед — это свет очей». Таким «светом» для нее всегда оставалась семья Маквалы Коиава.

Мои родители часто приходили в дом на Барнова. Помню, как мы с женой — молодожены — делали, как говорится, гостевые визиты к старшим родственникам и друзьям. Пришли и к Татьяне и Бабкenu. Мне не забыть, как тепло и душевно они нас принимали, какие деликатные и мудрые советы о семейной жизни нам давали... Поражала воображение и сама квартира — десятки полотен

известных мастеров, антикварная мебель...

А потом началась череда невзгод... Бабкен тяжело заболел, ему ампутировали ноги, и одна из лучших оперных певиц страны прекратила свою творческую деятельность и преданно ухаживала за мужем до конца его дней.

Настали тяжелые для всех нас 90-е годы. Певица осталась одна в пустой, без света и тепла, квартире. И тут случилась беда. Домработница привела в дом людей, интересующихся произведениями живописи для богатого азербайджанского покупателя. Эти люди осмотрели картины и предложили следующие условия: Татьяна Казимировна должна получить разрешение

В гостях у Татьяны Малышевой

Поминальная встреча друзей Татьяны

минкультуры на вывоз картин за пределы республики, и затем они вместе с ней вывезут их в Баку, покупателю. Не усомнившись в предложении посредников, без участия близких и надежных друзей, она получила разрешение на вывоз, погрузила самые ценные картины в машину и выехала со своими спутниками из Тбилиси. После пересечения границы, на территории Азербайджана, они остановились перекусить в придорожном ресторане. Затем женщина отлучилась на несколько минут по надобности, а по возвращении обнаружила, что ее спутники исчезли – вместе с картинами. Невозможно описать ужас, который испытала Татьяна Казимировна. В одну минуту она потеряла дорогие ей вещи, заработанные долгими годами, упорным трудом...

Впрочем, подобный печальный финал можно было предвидеть заранее. В 90-е годы, в период разрухи и беззакония, сотни людей становились жертвами мошенников, лишаясь накопленных средств, имущества, квартир... Да и вообще – оставались без средств к существованию. Впоследствии, уже в подмосковном городе Железнодорожном, Татьяна рассказывала мне, как

однажды, надев шубу, чтобы выйти в город, она обнаружила в кармане огарок свечи и вспомнила: именно так – в шубе и со свечой в руках – она ходила по холодной квартире на улице Барнова в начале 90-х годов.

На переезде в Железнодорожный настояли сестра Оля и ее супруг Исаак Ильич. Татьяна согласилась, продала остатки вещей, квартиру и переехала в незнакомый подмосковный городок.

К сожалению, мы поздно узнали об отъезде Татьяны Казимировны. В то беспокойное время каждая семья испытывала трудности, пытаясь выжить в новых условиях. Только в начале 2000-х годов мы узнали ее новый адрес и смогли навестить. Увидев нас на пороге своей новой квартиры, она воскликнула: «Годердзи, дорогой, увези меня отсюда обратно в Тбилиси, я тебя очень прошу!» Это потрясло нас до глубины души. Она рассказывала, что здесь, в Железнодорожном, она никому не нужна, ее никто не знает, сестра навещается раз в месяц, соседи неприступны, никто не приходит в гости. «Меня знает пол-Тбилиси, моими друзьями были известные актеры, художники, дверь моей квартиры не закрывалась, а здесь я чужая брошенная провинциальная актриса», – говорила она.

Шло время, возраст подтачивал здоровье Танюши, и в один из дней она тихо ушла из жизни... Сестра переоформила квартиру, подготовила ее для сдачи в аренду, а меня попросили помочь собрать оставшиеся личные вещи покойной. На шкафу лежали блокноты, альбомы, письма, документы. Я заметил, что личный архив Татьяны Малышевой представляет большой интерес для музея оперного театра, где она

проработала десятки лет, но никого это не волновало. Сестра с подругой сидела на кухне и пила чай. Я в последний раз окинул взглядом комнату, заглянул в тумбочку – не осталось ли там чего. В углу лежала небольшая металлическая коробочка. Я взял ее, открыл и... Моему удивлению не было предела. «Оля, что вы здесь оставляете!» – воскликнул я. В коробочке лежали драгоценности певицы, а сверху – золотые коронки. На душе стало больно и тягостно. Отдав коробку Ольге, мы вышли из дому и направились к кладбищу – надо было заказать надгробный камень. Я предложил вместе с портретом поместить на камне и театральную кулису. Так и было сделано.

Прошли годы. Оглядываясь назад, думаешь, как грубо вмешалась политика в жизнь прекрасных людей, как несправедливо разбила их судьбы... Прожив полвека в ставшем ей родном Тбилиси, Татьяна Малышева нашла свой последний приют в подмосковной земле, а ее муж одиноко лежит на кладбище в Мухадгверди. Нет памятной доски на том доме, где она жила столько лет. Но мы, преданные почитатели и верные друзья, никогда не забудем этого красивого человека, подарившего свой великолепный голос Грузии.

ФОТО ИЗ ДОМАШНЕГО АЛЬБОМА

В нашем доме, как, наверное, и у всех, хранится домашний фотоальбом. Фотографии запечатлели памятные события жизни членов семьи – первый класс, выпускной вечер, свадьба, путешествия... Особое место в альбоме занимают фотографии с известными людьми.

Стоял жаркий летний месяц середины 70-х годов прошло-

Т. Малышева и Г. Ртвелишвили. Последняя встреча

Встреча в объединении «Аналитприбор»

го века. Я, молодой сотрудник идеологического отдела одного из райкомов партии нашего города, получил задание организовать встречу группы советских писателей с коллективом одного из предприятий нашего района. С предприятием я определился сразу, а вот кто именно вошел в состав группы писателей, мне не было известно.

На следующее утро мы на двух машинах подъехали к гостинице «Иверия». Через некоторое время ко мне подходит группа людей, и я вижу хорошо знакомое по телевидению и фотографиям в газетах «лицо кавказской национальности». Расул Гамзатов! Обаятельная улыбка, горящие глаза — наш человек, земляк! «Это ты сегодня наш хозяин?» — обратился он ко мне. Я улыбнулся и с радостью ответил: «Таким гостям мы всегда рады!» Расселись по машинам и поехали. Не скрою, сначала я был несколько скован — пытался вспомнить, какие произведения Гамзатова читал, и... ничего не мог вспомнить.

Тут надо признаться, что мы, молодые сотрудники «идеологического фронта», с приходом к власти Эдуарда Шеварднадзе, большие были заняты чтением партийных газет и официальных документов вышестоящих органов. Читать новые произведения современных прозаиков и поэтов, увы, зачастую просто не было времени.

Мы весело переговаривались в салоне автомобиля. Помню, миловидная молодая корреспондентка одной из центральных газет попросила Расула Гамзатовича дать ей интервью, а он ответил, что сначала надо познакомиться, а уж потом давать интервью. Это вызвало общий смех и некоторое смущение корреспондентки.

Подъехали к Научно-производственному объединению аналитического приборостроения (Аналитприбор), ведущему в Советском Союзе подобному предприятию, где работало до 10 тысяч сотрудников. По этому случаю руководство организовало часовой перерыв. Писатели пообщались с рабочими и служащими прямо на рабочих местах, а после, на импровизированной трибуне, читали отрывки из своих произведений. Не в обиду другим нашим гостям, но мне больше всего запомнилось выступление Гамзатова. Он читал свои замечательные стихи, в том числе, и посвященные Грузии: «И я прошел над Алазанью, над ней, поднявшись со скалы, в дозоре утреннюю ранью парили горные орлы... И где река, в дорогу вклинясь, чуть изгибаясь на бегу, мне повстречался кахетинец, косивший травы на лугу...»

Потом состоялся доверительный разговор в кабинете директора объединения Симоняна, за чашкой кофе. Директор рассказывал о том, что еще десять лет тому назад их маленькое конструкторское бюро насчитывало всего несколько десятков человек, а сейчас выросло в крупное производственное объединение, выполняющее сложные технические задания по исследованию окружающей природы, а разработанные здесь приборы установлены на атомных подводных лодках, метеостанциях... А Расул Гамзатович рассказывал о своей работе депутатом Верховного Совета СССР. Мало кто знает, но Гамзатов занимался очень непростым, по-человечески тяжелым делом — он входил в комиссию по помилованию. Откровенно говорил, что, когда удавалось спасти человеческую жизнь, он

испытывал ни с чем не сравнимое облегчение.

За давностью лет уже не припоминаешь всех деталей разговора, но хорошо помню, что в момент общения с Гамзатовым не было никакой робости или неловкости. Казалось, что приехал старший опытный родной человек, которому можно довериться, спросить совета...

Надо добавить, что Расул Гамзатович был частым гостем Грузии, дружил с грузинскими писателями, поддерживал нашу республику в трудные времена распада Советского Союза. В числе его самых близких друзей был Ираклий Абашидзе. Как приятно мне было прочесть потом строки Абашидзе о своем великом дагестанском друге: «Вечно взволнованный непоседа — именно таким был (и всегда должен быть) Расул Гамзатов. Я не могу представить его иным, так же как не могу представить иной горную реку Андийское Койсу. Расул Гамзатов на трибуне блещет острословием... Неутомимый собеседник в кругу друзей-литераторов... Громко смеющийся... Пляшущий лезгинку... Возмутитель спокойствия московских гостиных...»

Прошли десятки лет. Я листаю фотоальбом, смотрю на молодые обаятельные лица, вспоминаю счастливые минуты, оставшиеся в памяти обрывки фраз. Вот так, видимо, и проходит человеческая жизнь — оставляя островки приятных воспоминаний о встречах с удивительными людьми.

Человек большой души, Расул Гамзатов правильно сказал, что «есть границы между языками, но нет границы между сердцами».

Обо всем этом мне и напомнил старый семейный альбом...

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ КИНО НА «МОСКОВСКОЙ ПРЕМЬЕРЕ»

■ Инна БЕРИДЗЕ

Пятый международный фестиваль кино стран Содружества «Московская премьера», собравший участников из Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, России, Таджикистана, Узбекистана, объявил победителей. Обладателем Гран-при среди полнометражных фильмов с формулировкой «за глубину исследования относительности греха и добродетели» стала азербайджанская семейная драма «Холодный как мрамор» Асифа Рустамова (картина снята совместно с Францией), уже отмеченная многими престижными международными наградами.

Приз за режиссуру получил Мухиддин Музаффар («за утверждение вечных ценностей дружбы в переломный момент истории») — премьера его фильма «Фортуна» (Таджикистан) состоялась в Москве. Это история двух друзей — Кахора и Манона — на переломе эпох. На дворе 1993-й год. События происходят в Таджикистане, в небольшом провинциальном

городе. Главные герои трудятся на заводе по производству запчастей, борьба за выживание заставляет их порой поступать принципами. Награды получили и актеры — за лучшую женскую роль отметили Милену Нестерову (российская картина «Анжелюс» Эдуарда Жолнина была удостоена специального приза жюри «за смелость художественного высказывания»),

за лучшую мужскую — Гурбана Исмаилова из фильма «Холодный как мрамор». По итогам зрительского голосования среди короткометражных лент (директор программы короткого метра — продюсер, режиссер, киновед Александра Жукова) первое место присудили работе Клавдии Коршуновой «Прости меня, Аня» (Россия), второе — картине «Черное» (Россия) Вики Дегтевой. Сразу два фильма заняли третье место: «Братишка» (Россия) Алины Сабировой и «Папа» (Армения) Татевы Мкртчяна.

Организаторы отмечают молодость создателей конкурсных лент: средний возраст режиссеров полнометражных фильмов — до сорока лет, короткометражных — за тридцать, половина участников «полнометражного» конкурса представили свои дебюты.

Показы проходили в недавно

Таджикский кинорежиссер Мухиддин Музаффар получил приз за режиссуру

открытом кинотеатре «Синема Парк Мосфильм» (полный метр) и синематеке «Мир искусства» (короткий метр). В состав жюри конкурса полнометражных фильмов вошли члены Федерации кино клубов России. Актив кинотеатра «Мир искусства», признанный в Москве центром молодого короткометражного кино, назвал победителей программы короткого метра.

Открыл фестиваль фильм Алексея Федорченко «Колбаса Митрофана Аксенова». Напомним, что и в прошлом году «Московская премьера» стартовала картиной этого своеобразного, глубокого, с необычной стилистикой мастера кино. Новая работа Федорченко — это библиографический фильм-расследование с использованием приемов документального, игрового и анимационного кино. Он связан с увлечением режиссера собиранием редких книг. Автор картины ищет следы российского математика и философа конца XIX - начала XX века Митрофана Семеновича Аксенова, о котором практически ничего не известно.

На фестивале «Московская премьера» прошло несколько гала-премьер и внеконкурсных показов, в том числе программы «Новое кино Армении» и «Пятилетка ударных короткоме-

тражек» (посвященная пятилетию конкурса короткометражных фильмов). Это происходило в кинотеатре «Иллюзион», кинотеатре параллельного кино Электротheaterа «Станиславский», Еврейском музее (Центр толерантности).

В Библиотеке-читальне имени И.С. Тургенева демонстрировались две ретроспективные программы: «Мосфильм» смеется. К 100-летию киноконцер-на» и «Посвящения» — дань памяти выдающимся кинематографистам стран Содружества, ушедшим в 2023 году. Это российские режиссеры Вадим Аб-

драшитов и Николай Досталь, молдавский драматург Ион Друцэ, грузинский и российский кинооператор Леван Пааташвили, кыргызский режиссер Марат Сарулу.

Художественный руководитель проекта — член Российской академии кинематографических искусств «Ника», лауреат премии Москвы **Вячеслав Шмыров** прокомментировал итоги фестиваля:

— В этом году финансирование «Московской премьеры» по объективным причинам было резко сокращено, однако он не изменил своему масштабу. На

Евгений Майзель представляет очередную картину конкурсной программы

Кадр из фильма «Холодный как мрамор» (Азербайджан). Гран-при фестиваля

шести площадках Москвы было показано порядка 80 фильмов из стран Содружества. В том числе в новеньком кинотеатре «Синема Парк Мосфильм», который открылся на территории киноконцерна и в котором с успехом шла конкурсная программа полного метра. Обидно, что грузинское участие в этом году было рекордно малым. Фильмы с маркировкой «Грузия» были представлены, хотя и дважды, но только в конкурсной программе короткометражных фильмов. Речь о картинах: «Беглец» Саломе Кинцурашвили и «С вас 6500» (это совместный российско-грузинский проект Андрея Васильева). Первый фильм снят на грузинском языке и рассказывает о происшествии в семье десятилетнего мальчика, отец которого содержит грузинское кафе на окраине Москвы. Вторая картина на русском, и в центре повествования – молодая смешанная семья (в главных ролях Манана Тотибадзе и Андрей Пискарев), которая переживает нешуточный кризис отношений... И, разумеется, нельзя не сказать о том, что в рамках традиционной ретроспективной программы фестиваля, связанной с именами видных деятелей кино прошлого, отдельный сеанс был посвящен памяти великого грузинского и российского кинооператора, основоположника грузинской операторской школы Левана Пааташвили, ушедшего из жизни в этом году. Он работал с такими

мастерами, как Тенгиз Абуладзе («Чужие дети»), Лана Гогоберидзе («Под одним небом»), Михаил Калик («До свидания, мальчики»), Александр Алов и Владимир Наумов («Бег»), Андрей Кончаловский («Романс о влюбленных», «Сибиряда»), Эльдар Шенгелая («Голубые горы, или Неправдоподобная история»), Нана Джорджадзе («Робинзонада, или Мой английский дедушка»). Великое наследие двух народов!

Директор программы полнометражных фильмов – член ФИПРЕССИ, кинокритик и теоретик кино **Евгений Майзель**:

– В полнометражный конкурс этого года вошли восемь фильмов из шести стран ближнего зарубежья. По одной картине из Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и России – и целых три фильма из Кыргызстана. Эти три киргизские картины демонстрируют и интенсивный рост кинопроизводства в этой стране, и то, что многие из этих фильмов были сняты без поддержки международных дистрибьюторов, не уступая международным копродукциям в художественных достоинствах. Кавказ был представлен в конкурсе лишь одной картиной – зато она увезла главный приз. Это азербайджанская драма «Холодный как мрамор» Асифа Рустамова, тонкий фильм, поднимающий проблемы отношения отцов и детей, а также реальности и иллюзии, ручного труда и автома-

тизированного, а также – притом весьма дерзко – мимикрии под духовность, востребуемой современным обществом вместо собственно духовности как таковой. Среди других фильмов-лауреатов – ностальгический фильм про девяностые годы из Душанбе «Фортуна», о двух таджикских друзьях. Режиссер Мухиддин Музаффар собрал множество призов по самым разным фестивалям, наша награда оказалась двадцатой. Также жюри высоко оценило российский фильм «Анжелюс» Эдуарда Жолнина, – пронзительную историю о сельской религиозной девушке, случайно повстречавшей столичного юношу. Это фильм, имевший преступно мало показов в России, и я очень рад, что мне удалось его первым показать в Москве.

Немного о фестивале. Его первым президентом был народный артист СССР Алексей Баталов. В 2019 году партнером «Московской премьеры» стал Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС), и кинофорум обрел международный статус. С 2021-го обновленному фестивалю оказывает поддержку Министерство культуры России. Как отмечают организаторы на своем сайте, задача «Московской премьеры» – развитие единого культурного и кинематографического пространства стран бывшего Союза.

ГРУЗИНСКИЙ БРАТ МЮНХГАУЗЕНА

■ **Эмзар КВИТАИШВИЛИ**

*Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ*

Окончание

Автандил, не без задней мысли, обратился к Шалико с вопросом, в каком чине он был на фронте. Шалико сразу же оживился – беседа перешла в приятное для него русло.

– Я был то солдатом, то генералом, иногда и ефрейтором был... смотря по ситуации, по обстоятельствам. Вообще-то... – он задумался, – дорогой мой Авто, вообще запомни: на войне чин особого значения не имеет. Стояла ранняя весна, когда мы переходили Одер. Помню все, будто вчера это было. Поднявшаяся река несла в своих водах целые деревья, всевозможные предметы... Рассветало, всходило солнце. Небо розовело. Кто в лодке, кто на понтоне, кто на плоту, а кто с раздутыми ветром и водой штанами устремлялись на противоположный берег. Я бросился в бушующую реку и поплыл ку-таисским кролем, пересек мутные воды и, срезав наискосок, поплыл к утесу, оттуда всякую мелюзгу, офицеров, полковников, река унесла. Вот, милый мой Авто, какое значение имеет чин, чем тебе чин поможет, если руки не годятся!

– Правильно изволите говорить. Верно! – с воодушевлением подтвердил дирижер.

– Едва я ступил на берег, командуя фронтом как закричит: первым на тот берег вышел Хвингиадзе, награду ему!

– Узнал он тебя, да? – обрадовался Варлам.

– Кого, меня? Ты обо мне говоришь? Слушай, милый человек, меня враг узнавал, а не то что друг!

Здесь начинается один из интересных эпизодов, в котором автор использует рассказ вышеупомянутого Манагадзе, разумеется, в несколько измененном виде.

Много лет назад, в минувшем веке, Резо Чеишвили пригласил друзей к себе на дачу в окрестностях Тбилиси. Конечно, был устроен кутеж. Один из собравшихся, известный своим остроумием, пикантными приключениями и юмористическими мистификациями Геди Чкония, который недавно прочел «Приключения Шалико Хвингиадзе», спросил Резо: «Ты в этом рассказе, наверное, использовал манагадзевские фантазии?» Резо, всегда по-своему обрабатывавший услышанное и увиденное, уклонился от прямого ответа. И мне кажется, он вряд ли был бы доволен и моими подобными изысканиями.

Хвингиадзе отступает от настоящего времени и переходит года на два назад. Он старается облечь свое повествование в некую романтическую туманность. И члены застолья с увлечением слушают Шалико.

Теперь, раз уж Шалико начал рассказывать, его не останавливать. Он углубился в прошлое еще на один год.

«Значит, близилась середина сорок второго. Это был период на-

ших временных неудач. Мощные соединения немцев теснили нас с моря, с воздуха, о суше уж не говорю. Что скрывать, из главного лагеря пришел приказ отступить, конечно, по стратегическим соображениям, но, когда у человека нет удачи... я ничего не знал, к тому же, вы знаете, что я не привык отступать. Армия отступила, а я, дорогие мои господа, назад ни шагу и в одиночку сражаюсь, как говорится, до последнего удара вечернего колокола. И в конце концов очутился я во вражеском окружении. Тем временем стемнело. Наших нигде я не видал и в конце концов совершил то, что мне не подходило: понурил голову и пошел. Пойти-то пошел, но куда идти в эту темь и мрак! Шел я, шагал я и подошел к какому-то хутору. Ни души вокруг. Собака не лает, петух не поет. И вдруг я заприметил луч света откуда-то выглядывает. Я пошел на этот луч и вскоре оказался перед хибаркой. Постучал тихонечко. Через какое-то время на мой стук отозвалась старуха: кто ты такой есть, человек или дух, говорит, об эту пору кому что нужно на дворе, кроме злого духа. Боец я, матушка, говорю, отстал я от армии. Приняла меня эта женщина, дай Бог благополучия ей и ее семье, приняла, напоила, накормила. Указала мне место, где я мог отдохнуть, постелила мягко и подушку принесла.

– Какого возраста была эта женщина? – не без подвоха осведомился Автандил, разминая сигарету.

– Кто? – растерялся рассказчик.

– Та женщина, в хибарке, – Автандил переглянулся с Варламом.

– Ох, ты тоже! Старая женщина была, сказал же я. И вообще на войне кто об этом думает! Словом, не перебивай меня впредь. Я снял оружие, улегся и думаю про себя, ну вот наконец-то дух переведу, сосну немножко, и в этот самый миг с грохотом распахнулась дверь и в комнату ввалился эсэсовский штандартфюрер с автоматом наперевес! Ну что ты тут будешь делать, Шалико, ты, христопродавец, где ты погибаешь, ты, свершивший столько славных дел, гибнешь бесславно, бесследно, спасшийся в море, в ложке воды утонешь, – подумал я, и в этот же момент штандартфюрер, отбросив автомат, как крикнет:

— Это разве не ты, Шалико Петрович?!

— Немец крикнул, батоно? — усомнился Кипиани.

— Да, это оказался наш разведчик, я его сразу узнал по голосу, как только он рот раскрыл. Он пятнадцать лет во вражеском тылу работал переодетый, по фамилии он Зинченко, если мне не верите, спросите у Джиджи Алпаидзе».

Шалико в этом эпизоде немножко хитрит при упоминании Воркуты и Магадана. Это были места ссылки, печально известные не только своим климатом, где большую часть года царит суровая зима, когда от морозов трескаются камни. Сосланные сюда воины, уцелевшие на фронтах Великой Отечественной войны, чудом пережившие фашистский плен, работали на тяжелейших работах. Легко представить, как «советский супер разведчик» Зинченко мог «прекрасно устроиться» в Воркуте или Магадане.

Живыми красками рисует писатель снежную зимнюю ночь, когда во всей округе замерли все звуки, только едва слышный шелест крупных снежных хлопьев, падающих на укрытую снегом землю, украшает и подчеркивает тишину. И как точно и поэтично выразился автор, назвав этот снежный вечер «темной белизной».

Далее идет эпизод пленения фашистского снайпера, который обосновался на высоком дереве. Он насыщен целым калейдоскопом юмора и гротеска, чего у Резо Чхеидзе всегда хватает.

Известный специалист грузинского языка, внучка Тедо Сахокиа, Шукиа Апридонидзе рассказывала мне, как она принесла «Приключения Шалико Хвингиадзе» своему учителю и наставнику, знаменитому ученому-языковеду, академику Арнольду Чикобава. Он в ту пору был очень подавлен, тяжело переживая утрату супруги. Когда на следующий день Шукиа пришла к нему, он держал журнал в руках и с улыбкой сказал, что прочел рассказ с огромным удовольствием, и более того: замечательный

юмор произведения хоть и временно, но вывел его из тягостного состояния.

Обидчивый, вспыльчивый Шалико сначала же предупреждает сотрапезников, чтобы его не прерывали неуместными вопросами. И они, затаив дыхание, слушают его удивительные приключения:

— ...Вошли мы, значит, уже в Прибалтику, мои дорогие господа. Стояли прекрасные дни осени, такие, что душа радуется... Одержали там победу, и отдыхаем. Но какой тут отдых — в ста шагах от нас сидит на большом дубе фашистский снайпер и палит. Палит, проклятый, но как! Пулю в пулю всаживает, говорю тебе, Варлам, бьет без промаха и без передышки! Много прекрасных парней уложил, много матерей заставил слезами обливаться, много жен вдовами сделал. Ребята рвутся, хотят заставить его замолчать, но как подойти к дереву? Да и не видать этого паскуды в листве-то, чтоб хоть на прицел его взять. Стоим мы, только вздыхаем да кричим: «Я пойду! — Нет, я пойду!» Ну, словом, как всегда, я взялся за это дело. Мне говорят — не надо, Шалико, не берись за это, убьет он тебя. Да кто слушает! Я все же провел свое, нельзя? — А нужно! Все одолел и — пошел! Ну, конечно, взял с собой пилу двуручную, господа мои милые, выбрали мы подходящее время — мертвый час, когда снайпер после обеда отдыхает, немцы — народ пунктуальный, вы должны это знать, и направились к дубу. Запели «Мумли мухаса» и давай пилить дерево. Туда-сюда, пила, туда-сюда. Дуб, ясное дело, рухнул на землю, а с ним и снайпер. Мы к нему бросились, связали его, дорогие мои господа, и сдали его с рук на руки куда следовало. Оказалось, он известный снайпер. Кавалер четырех дубов. Оказывается, ордена ему вручали прямо на дубу. А иногда, наверно, он сам себе орден добавлял. Что возможности у него не было? Сказал бы откровенно — что это со мной приключилось, что со мной произошло, ведь кроме Шалико Хвингиадзе, Петровича, такое никто бы не придумал. Куда он делся, дайте мне с ним поговорить, дайте с этим человеком стакан вина выпить, чего вы от меня хотите. Если вы мне не ве-

рите, дорогие мои господа, спросите Джиджи Алпаидзе... Джиджи лучше меня все помнит. А ну, заполним бокалы, двинемся кое-как вперед, а то дело наше плохо. Да. На следующий день меня снова послали в разведку, и этого человека я больше не видал. Давайте-ка еще один тост выпьем, и я вам расскажу еще одну историю, если интересно. Пейте, пейте...

Затем следует не менее удивительный эпизод, также связанный с разведкой. Шалико спокойно, не торопясь, рассказывает, как он вместе со своей ротой отправился на выполнение особого задания. По дороге, хоть он и был очень внимателен, они сбились с пути, что было неожиданно для столь опытного воина, как Шалико. Стемнело, и им пришлось заночевать в поле. Шалико вспоминает заходящее солнце, которое тускло светило сквозь туман над болотом. При упоминании болота Варлам осторожно вставляет, что, по-видимому, они находились в Белоруссии, это, мол, там такие болота, непроходимые топи, зато летом царит благодатная прохлада. Шалико после небольшой паузы продолжает:

— Да, верно, там я и был. Где я остановился?

— Солнце появилось.

— Ага, возшло это благословенное светило, озарило все окрест, и понял я, что как кол врезался в расположение неприятеля. Что скрывать — мы попали в плохое дело. Я-то что, черт со мной, подумал я, но ведь со мной люди, что с ними делать? Сами рассудите, в каком мы положении: с трех сторон немцы, впереди болото, непроходимая топь, трясина, ну точно поговорке «Впереди вода, позади — оползень». И что я сотворил? Погодите, не спешите, все равно не догадаетесь! «Заходите в болото!» — приказываю. А что было делать-то? Зашли. Я за ними. Затонули мы по уши. Из болота только глаза и носы торчат. А в это самое время немецкие дивизии начали перемещаться. Идут туда-сюда. Дислокация, значит, решил я. Смотрю и считаю живую силу и технику, собираю данные. Они нас не видят. Думают, это лягушки и квакши. А что будет думать, из болота толь-

ко носы торчат, дышим через нос. Наконец, ночь настала, и мы выбрались оттуда. Но надо сказать, что у кого тогда был насморк, все утонули.

Но это уже чересчур. О своих подопечных, погибших в болоте, Шалико говорит, как о каком-то пустяке. Тамазу Кипиани эта история кажется комической, он не в силах сдержать смех. Он много курит, а Шалико приглашает его поесть. Он считает, что у его гостей плохой аппетит, и говорит им, что когда был в их возрасте, то в день съедал целого барана. И тут же, к слову, рассказывает очередную историю: как он лежал в военном госпитале, какую строгую диету ему назначили и как тяжело ему это было. Рассказывая, он не забывает уговаривать гостей отведать то одно, то другое блюдо.

Однажды, помню, уложили меня в госпиталь. Это долгая история, но я вам вкратце расскажу. Мне предстояла операция, и посадили меня на диету. Как я мог сидеть на диете, когда в день, я уже вам докладывал и еще раз скажу, я с целой коровой разделялся. Врачи боялись, как бы я ихний медперсонал не съел. Они обо мне уже знали. И поместили меня в отдельную палату. Потом я приютил одного генерала армии по фамилии Герасимов. Хороший мужчина был, хороший, гранатой его ранило. Да, и он, оказывается, так и сказал: уложите меня, говорит, вместе с Шалико, не надо мне ни лекарств, ни снадобьев, если кто и вылечит меня, так только он. Шалико Петрович. Так оно и было, пусть так все хорошее у вас исполнится. Я его со смеху уморил, царство ему небесное. Между прочим, была там одна хорошая женщина, урожденная Агладзе, пусть возрадуется ее воспитатель, как она обо мне заботилась! Намедни я ее в Цкалтубо встретил. Берите, берите, побольше на тарелку переложите!

Пользуясь кратковременным отсутствием Шалико, оставшаяся троица делится своими впечатлениями. Автандил и Тамаз считают, что Шалико выглядит молодцом, однако Варлам, который чаще видит-

ся с Шалико, возражает, что в последнее время он немного сдал, тоскует по детям, покинувшим его, иной раз так замыкается в себе, что слова из него не вытянешь. И старые раны дают о себе знать. Шалико Хвингиадзе действительно воевал в той страшной кровопролитной войне и многое пережил и выстрадал. Он и то хорошо знает, что жизнь – непрерывная борьба за существование. И сейчас, сидя за трапезой в кругу близких людей, он всячески старается развлечь их веселыми, комическими рассказами, чтобы сделать более привлекательным повседневность.

Из марани Шалико возвращается с полными кувшинами вина, и разговор гостей сразу смолкает. Шалико хвалит свое вино, такое игристое и искристое, что от сигареты Автандила может вспыхнуть. Все трое благословляют того, кто сделал это замечательное вино. А Шалико начинает рассказывать очередную историю, настолько фантастическую и невероятную, что сам барон Мюнхгаузен позавидовал бы ее автору.

– Кстати, насчет взрыва и поезда: мне вспомнилась одна история. Дело было в тысяча девятьсот пятидесятом году, в августе. Мне поручили, мне лично, чтобы не соврать, ни больше, ни меньше – два эшелона бензина. Кроме тебя, Петрович, с этим никто не справится, – сказал мне командир дивизиона, уважил, значит. Он-то в друзьях у меня был, но, скажу я вам, что такое уважение не то, что друг, а и враг бы не придумал. На линии фронта, когда пули, как мухи, летают во время стрельбы, каково полные до краев цистерны с бензином везти, а? Сами посудите, батоно Тамаз. Можете спросить у Джиджи, он расскажет. Стоим у линии фронта, как я вам уже докладывал, все кругом в огне и такое творится, что называется, мать родного сына не признает. Командир полка нашего был старый офицер, служил еще в царской армии, хороший был мужчина, по фамилии...

– Некрасов!..

– Фодоров, – невозмутимо продолжал Шалико, – бывало, едва прозвучит сигнал воздушной тревоги, едва завиднеются в небе фа-

шистские самолеты, а он уже кричит: «Петрович, зарывай!» Голос у этого Фодорова такой зычный был, птицу с дерева бы сбросил. А ну не зарой! Зароешь эти шестидесятитонные цистерны, добрый мой господин, а эти проклятые на позицию возвращаются, а Фодоров тотчас орет – «Петрович, отрывай!» Теперь вы понимаете в каком аду я находился?! Да чему ты смеешься, недоумок?!

– От сочувствия смеюсь, от сострадания, дядя Шалико, – еле еле выговорил Автандил, чуть не задыхаясь от смеха.

Зарывать в песок или в землю и откапывать цистерны, доверху полные бензином, вытаскивать из ямы эшелоны – это, конечно, совершенно безудержная фантазия. После столь ошеломляющей истории сотрапезники, еще больше развеселившись, снова настроились петь. Шалико удивлен – что, мол, я такого рассказал, что они так веселятся, а теперь еще и запели. Но из уважения к гостям поддержал первый и второй голоса своим басом. Гармоничные звуки грузинского многоголосья потянулись к печной трубе и вместе с голубым дымом растеклись, растворились в морозном, искрящимся мельчайшими снежинками, воздухе.

Шалико слышал, что Тамаз Кипиани в Тбилиси руководил большим, в сто человек, хором, и почему-то покинул столицу. Шалико хотелось, чтобы этот известный дирижер отметил его голос. Варлам и Автандил тоже хорошо пели, и гость, знаток певческого искусства, конечно, не жалел комплиментов. Если бы у меня были такие певцы, как вы, я бы не оставил тот хор, – сказал в заключении Кипиани. И тут же вспоминает, что Шалико лежал в госпитале. «Вы вероятно были ранены?» – спрашивает он хозяина. Шалико, отвечает так: «...Вы спрашиваете, был ли я ранен? Раз или два, которое ранение вспомнить – не знаю, но я расскажу вам сейчас, как я спасся тогда от ран, не оказался искалеченным и одновременно остался в живых. Это поистине чудесная история. Я, если хотите, звука

не издам, а вы спросите Джиджи Алпаидзе. Джиджи расскажет все намного лучше меня».

Уже превратившийся в некий миф, давно погибший Джиджи Алпаидзе, которого Шалико то и дело призывал в свидетели, оказался ненужным гостям, они предпочли рассказ самого героя.

Шалико не любил долго себя упрашивать и стал рассказывать очередную невероятнейшую историю. Однако никто не отважился бы сказать рассказчику, что, мол, ты мелешь. И не моргнув глазом, Шалико живописует очередную басню:

...Где оно было, как оно было, так либо этак, а случилось это у подступов к Керчи. Война была тяжелая, жестокая. Для меня – обычная. Чего долго рассказывать! В один прекрасный день нас бомбили. Правда, особого ущерба не причинили, но бесследно, конечно, это не прошло. Воздушная тревога прекратилась, все вокруг вроде бы успокоилось. Представьте себе, дорогие мои господа, что в наступившей тишине я даже услышал стрекотание кузнечиков. Но тишина была все-таки зловещей. И вдруг прилетает один запоздавший самолет и, не знаю почему, может, потому что я большой, крупный мужчина, или по какой другой причине, но они избрали объектом меня. Самолет сбросил мне на голову огромную бомбу. Если кто-то думает, что я вообще не видел бомбы, тогда кто ее видел, но ничего подобного я не видал ни раньше, ни потом. Когда тень этой громадины легла на землю, мне показалось, солнце потемнело. Я подумал, что она разорвалась рядом со мной и все осколки, по законам войны, обошли меня стороной. Взрывная волна подхватила меня с земли и на глазах у всей дивизии пронесла в воздухе, как пушинку. Я подумал, ну, конечно, все, я отправляюсь к Отцу Небесному.

Я должен какое-то время продержаться Шалико в этой напряженной позе и добавить, что крики и вопли нашего героя, качающегося на воздушной волне, напоминают Кваркваре Тутабери, готовящегося быть повешенным и чудом спас-

шегося. Главный герой одноименной пьесы Поликарпэ Какабадзе оттуда, с виселицы, громогласно посылает проклятия своему отцу. Хвингиадзе ведет себя с родителем намного мягче, просит вырастить его детей, дочь отдать замуж, а сына женить. В этот момент он, сам не понимая каким образом, плюхается в воду. Тут уже не до просьб и завещаний, ибо рот его, как у рыбы, полон воды. А следующая сцена напоминает финальные кадры кинофильма Эльдара Шенгелая «Чудаки», когда Мизана Брегвадзе, вызывает к односельчанам. Шалико же, подброшенный взрывной волной к небесам,

...не растерялся и закричал во всю мочь: если есть кто из Сапичхии, не полнитесь, пойдите к моему отцу, Петре, скажите – он был тогда жив, – пусть меня не ищет, я ушел туда, откуда обратно никто не возвращается. Присмотри, скажите ему, за моими детьми, вовремя жени мальчика и девочку отдай замуж, и когда ты сюда поднимешься, тут уж я сам знаю, как тебя почтить. Ничего больше я не успел поручить, потому как выбежал на поле какой-то молоденький солдат и кричит: я, говорит, с Балахвани, но рос наполовину на Сапичхии, что еще передать хочешь – скажи, я передам, говорит. Я-то хотел еще что-то сказать, но рот у меня, как у рыбы, вправду водой был полон, а как глаза открыл, ой Боже, да вокруг не вода – море! Я в тот же час сообразил, что нахожусь у водораздела Азовского и Черного морей. Вода там такая соленая, рака, не вода, это и вы хорошо знаете, мои пояснения вам не нужны. Взрывная волна швырнула меня на эту сторону. Еще хорошо, что я упал в море, а не наземь грохнулся, там и пресная вода не помогла бы. А вот соленое море мне помогло. Я, наконец, пришел в себя, увидел рдеющий небосклон, рассвело. Выходило солнце. Огонь нашей артиллерии и лучи солнца расцветивали небеса. Наша артиллерия штурмовала Таманский полуостров. И вдруг, смотрю – наши катера приближаются ко мне. Я немедленно поднял руку головному катеру. Меня подняли на борт, и я невольно въехал с войском в Феодосию. «С корабля на

бал» – так получилось у меня. Как кончился тот бой, вы и сами знаете, но я-то тоже пострадал. После этого у меня долгое время прыгала правая бровь. К кому только я не обращался, ничего не помогло. В конце концов жена крестного моего сына приложила мне какую-то траву, кажется, кошачью мяту, и прошло это. Но скажу вам, дорогие мои господа, что благое дело, как говорится в воде не тонет, это бесспорно. На другой день генерал Леселидзе подарил мне свою собственную саблю с надписью. Она наверху в зале висит на гвоздике, Варлам-то знает, и Авто тоже. Слушай, Авто, если меня любишь, сбегай наверх, принеси ее, пусть и Тамаз поглядит.

Упомянутая трава «ошошой» действительно применяется в народной медицине для заживления ран и как жаропонижающее. Однако чудесным образом спасшийся Шалико применяет – и с успехом! – эту траву совершенно иначе – для исцеления тика травой брови, который его донимает.

Очередной эпизод – на Азовском море, известном своим мелководьем. Здесь Шалико Хвингиадзе преследует с воздуха очень низко летящий вражеский самолет. Но благодаря своей поразительной ловкости, молниеносной быстроте, точному расчету – когда надо ныряя и выныривая – Шалико уворачивается от пуль. Все эта сцена настолько комична, что трудно удержаться от смеха, а излюбленная присказка Шалико «где это было, где не было», варьирующая известный зачин грузинских народных сказок, придает рассказу легкий оттенок таинственности.

Да-а, бегу я, значит, по Азовскому морю, и вдруг, откуда не возьмись, кружит надо мной один мессершмитт противника, преследует меня, не отстает этот проклятый! Догонит, наставит на меня летчик свой пулемет, я тотчас нырну, скроюсь с его глаз, повернет, отлетит – я тут же вынырну, выпрямлюсь – он опять ко мне бросится, прицелится, выпустит пули, нырну я – он промахнется, вынырну – опять прицелится, я нырну – он отлетит... Так он меня преследовал до само-

го полудня и ничего не добился. Под конец летчик проговорил: это, видно, какой-то кутаисец, определенно на Риони выросший, — и оставил меня в покое.

Тема моря продолжается, только Шалико не помнит точно, да и не столь для него важно, «где, на какой параллели» произошел этот умопомрачительный случай. А было так: большой корабль сел на мель. Весь экипаж убивается, безрезультатно пытаюсь сдвинуть корабль в воду, но все усилия тщетны. А в это время вернувшийся с линии фронта Шалико хочет отдохнуть, он очень устал после боя. Но кто даст ему отдохнуть! «Где было, где не было», вдруг появляется отчаявшийся боцман и, увидев отдыхающего Шалико, возмущается: «Ты чего тут на боку развалился и только глазеешь на наши мучения, вставай и помоги нам». Шалико, ясное дело, сразу вскочил и говорит, конечно, помогу. Он подставляет плечо под крейсер (это крейсер!), поднатуживается и тихонечко протаскивает его по песку до воды. На титаническую работу Шалико, оказывается, смотрел с командного пункта генерал танковых войск по фамилии Рыбалко. Он приказал привести к нему незнакомого бойца, совершившего столь невероятный подвиг. Хвингиадзе так описывает их встречу:

— Вызвал он меня. Гляжу я на тебя, — говорит, — и глазам своим не верю! Что ты за человек, Петрович, что ты такое сотворил, ты такой-разэтакий! Я вот танк не могу поднять, а ты этот громадный корабль на воду спустил! Ты настоящий человек, богатырь! Честь тебе и слава! Встал он, взял свою собственную фуражку, компас свой и бинокль и подарил мне. Я их привез домой. Но недавно меня отправили в санаторий, в Кобулет, вы знаете. Поехал я. И почти в тот же день как прибыл, дорогие мои господа, пошел, к счастью или к несчастью, на пляж. Разделся. Разложил на песке фуражку, компас и бинокль и, конечно, солнечные очки, как вдруг, откуда ни возьмись, налетела огромная волна и унесла фуражку, компас и

бинокль и, что и говорить, солнечные очки тоже. Правильно у нас говорят: морем принесенное море и заберет. Особенно жаль мне было фуражку. Правда, на моей голове она не умещалась, но все-таки. Спросите Джиджи Алпаидзе, если мне не верите.

Шалико переходит к эпизоду о том, как он и его бойцы в течение семи суток мужественно отстаивали безымянную высоту, несмотря на яростные атаки фашистов, и как у них «кончились ружья» и они стали стрелять по врагам пулями из рогаток. До этого Шалико объявил слушателям, что он в жизни не прибегал ко лжи и не хвастал, что он всегда опирается на упрямые реальные факты, это его девиз. И слушая своего давнего друга и ближайшего соседа, Варлам вдруг не выдерживает и прерывает Шалико: «Как это, у вас кончились ружья! Вы ели их, что ли?» И еще хуже — он прямо в лицо Шалико заявил, что такой брехни никогда не слыхивал. Выступление вызвало большое напряжение. Варлам вскочил, хотел было надеть свою шинель и покинуть этот дом, но благодаря вмешательству Автандила ситуация разрешилась.

Опешивший, Шалико все-таки не теряется. Он спрашивает Автандила и Тамаза, не хватил ли Варлам лишнего. Ведь он уверен, что Варлам с трезвых глаз не посмел бы сказать ему такое. Варлам все же не смиряется и в ответ на это замечание говорит, что Шалико и ему подобные его не напоят.

В конце концов, Автандилу и Тамазу удается их утихомирить и восстановить мир. Правда, Варлам все же не верит тому, что ружья у бойцов кончились и ворчит, но уже не горячится.

Шалико тоже меняет тактику и заговаривает опять-таки о фантастическом эпизоде, а Варлама уверяет, что на войне все случается. И Шалико начинает очередную басню: «Теперь не говори мне, что ты не слышал о том, как я перед атакой в футбол играл на склоне Эльбруса».

На это Варлам застенчиво, склонив голову, отвечает, что

этого он как-то не припоминает. Шалико вспыскивает: что значит «не припоминает», весь мир узнал, в газете напечатали! Правда, добавляет он как бы извиняясь, я потом в эту газету хлеб завернул, порвалась она и уже нет ее у меня. Потом он просит сотрапезников наполнить бокалы и готовится к провозглашению очередного тоста.

Автандил и Тамаз в изумлении, они думают, что им это послышалось — «футбол на Эльбрусе». Шалико же невозмутимо подтверждает — да, я действительно играл в футбол на Эльбрусе. Автандил все же не сдается — неужели на самой вершине Эльбруса? Это и для Шалико оказывается уже слишком невероятным. Нет, говорит Шалико, не на самой вершине.

Однако то, что он рассказывает, как обычно, превосходит любую фантазию. Его монолог я должен здесь процитировать:

— Да, верно вы услышали, играл в футбол на Эльбрусе, — вдохновившись, продолжал Шалико.

— На самой вершине? — уточняет Автандил.

— Нет, на склоне, со стороны Северного Кавказа. Именно тогда, дорогие мои господа, наша армия готовилась к решительному сражению, и штаб армии поручил мне как-нибудь, насколько возможно, отвлечь внимание врага к крайнему югу. Думал я, думал, аж мозги устали и, представьте, милые мои господа, нашел-таки выход. Вот что я придумал: надо провести на Эльбрусе футбольный матч!

На другой день, в полдень, я назначил матч по футболу между женатыми и неженатыми. Вам хорошо известно, а если не известно, то уж Варлам-то знает, что до войны я играл в футбол в «Локомотиве». Я раздолбал тогда две штанги штрафными ударами. После того я бросил футбол. Они мне сказали — мы тебе опечатаем правую ногу. Что и говорить, я конечно, не согласился, и так оно было или этак, но, к моему сожалению, я отошел от футбола. Словом, что долго рассказывать, я устроил футбольный матч между неженатыми и женатыми на высшей точке Эльбруса.

— Если это Эльбрус, хороши

ваши дела, – негромко проговорил Автандил.

– Дай мне закончить, если конечно, хочешь, а если нет, я-то знаю, что я рассказываю.

– Извини, пожалуйста, рассказывай дальше.

– Тренером женатых был я, уважаемый Тамаз.

Прослушав эту историю, Варлам все же хочет узнать, как закончился матч, Шалико в растерянности, он не понимает, чем не доволен Варлам, и обрушивается на него с упреками, что он, дескать, ничего не понял. Варлам поясняет, что он все понял, но его интересует счет. Шалико смягчается и говорит:

– А-а, ты о футболе меня спрашиваешь! Как кончился футбол? Футбол кончился безрезультатно: ноль-ноль. Как говорится, лучше лучшего не кончается – это про нас сказано. К тому же мяч у нас упал вниз, и мы прекратили игру. Кто бы спустился за мячом на глубину четырехсот-пятисот метров! Для этого ни времени, ни возможности не было. Да и кроме всего, разве это было главное? Нашей цели мы достигли, поручение командования выполнили. сказать правду, я терпеть не могу себя хвалить и говорить лишнее, вы хорошо это знаете, тогда дни немцев были сочтены, что мне скрывать – войну и без меня бы выиграли, но я ведь много раз обыгрывал врага, и то, что я должен был делать, никому другому за меня делать не приходилось. Когда я вспоминаю этот Эльбрус, его снежную вершину... Это было поистине величественное зрелище!

Здесь мне хотелось бы отступить от темы, потому что придуманная Шалико Хвингиадзе игра в футбол на склоне Эльбруса, куда ступала нога великого грузинского царя Вахтанга Горгасала, и падение мяча куда-то в низину напомнили мне о давнем, еще с юношеских лет увлечении астрономией. Мне страстно хотелось проникнуть в тайны мироздания. Я много читал о безграничном космосе, о возникновении жизни, о движении галактик. Существование световых лет и их продолжительность превышали рамки

моего ограниченного разума. Эти и еще многие другие вопросы без ответов и сегодня продолжают будоражить и даже мучать меня. Недавно я прочитал книгу весьма интересной американской писательницы, ученого, специалиста во многих областях науки Китти Фергюсон (на протяжении лет она читает лекции по космологии). Ее книга является монографией о гениальном астрофизике Стивене Хокинге. Должен сказать, что я многое не понял в этой книге, запутался в терминологии неизвестных мне дисциплин, но один метафорически приведенный там пример, который косвенно касается футбола на Эльбрусе и воображаемого перехода Шалико Хвингиадзе через Альпы, меня удивил. К. Фергюсон наш мир сравнивает с мячом, скатившемся с вершины Альп к их подножию, на равнину, и остановившемуся там. Положение этого мяча на первый взгляд сверхустойчивое, стабильное, но этот мяч, остановившийся у подножья Альп, все-таки продолжает свое движение, то есть падение в безграничность космического пространства. Так же произошло с мячом Шалико Хвингиадзе. Ни один человек не спустился бы за ним с Эльбруса. Этот несколько туманный пример я привел еще и потому, что в нем фигурируют заснеженные Альпы как безмолвные свидетели воображаемого героизма Шалико и как бы символ его неодолимого стремления к вершине.

После эпизода с футболом Шалико обращается к Тамазу Кипиани и дружески советует ему бросить курение и немного закусить. Варламу он говорит, что от табака его пальцы уже пожелтели, хватит, зачем, мол, вы оба даете табаку себя убивать. И рассказывает, как он любил крученный табак, который привозили из Окрибы специально для него. Современные сигареты по сравнению с тем табаком он считал мусором. Шалико был заядлым курильщиком, но, когда понял, что из-за курения он не может приласкать свою маленькую дочь Нинойю, он поклялся страшной клятвой –

«пусть Нино не вырастет, если я когда-нибудь закурю» И он сдержал эту клятву. Всякий раз, когда он хотел закурить, перед ним вставало ее личико и любовь отца к своему ребенку брала верх. Тамазу он говорит, что на фронте он не брал в разведку курильщиков, потому что они кашляли, отхаркивались и огоньками папирос и самокруток выдавали свое присутствие, чем прекрасно пользовался враг и открывал пальбу. Примеров этому у него конечно было предостаточно. Очередной эпизод начинается с его любимой фразы: «Где было, где не было...» Свое «изобретение», «шедевр фортификационного искусства». «Живые мосты» Шалико сравнивает со взятием турками Константинополя. Он с гордостью заявляет, что оказывается, иностранные военные специалисты пытаются «внедрить» в свои армии остроумный метод сооружения «живых мостов». Хотят проложить четыре-пять рядов бойцов, связанных друг с другом, чтобы по ним могла пройти техника – танки и прочее вооружение. Но пока что их попытки не увенчались успехом, заключает Шалико.

Иду я по заброшенному окопу, иду и выхожу в чисто поле. Смотрю, за полем этим овраг большой, за оврагом кустарники и, конечно, березовый лес виднеется. Посмотрел я на поле, посмотрел на лес – тишина. Ни единой души нигде не видно. То ли я нутром почуял, то ли еще как, не знаю, но не понравилась мне эта тишина, безмолвие и безлюдье показались мне дурным предзнаменованием. Чутье не подвело меня – испытанного, многоопытного солдата, но выбора не было, и я решил бегом пересечь поле. Но, оказывается, с трех сторон в засаде фашисты сидят. Запалили они со всех трех сторон из всех своих ружей и автоматов. Смотрю – пули дождем летят крест-накрест. Бегу я и ловко увильваю от пуль, то вправо уклоняюсь, то влево, голову то опускаю, то поднимаю с быстротой молнии. Лавирую, как шпилька, как челнок, туда-сюда, между пулями. Я так искусно избегал пуль, что сам удивлялся своей ловкости, а уж немцы вообще глазам не верили.

Как потом выяснилось, один из них так разозлился, видя, что ружьем он ничего не может сделать, что схватил гранату и швырнул в меня, но я и тут изловчился, поймал налету гранату и вернул обратно тому немцу. Он тоже оказался очень ловким малым, тоже в воздухе поймал гранату и снова запустил в меня. Я опять поймал гранату и бросил в него, он поймал и бросил в меня, я поймал гранату в воздухе и бросил в него, он поймал, словом, так мы перебрасывались этой гранатой пока она не взорвалась там где-то. Конечно, все имеет свое время и свой срок. Граната больше не выдержала и взорвалась. А в этом перебрасывании и швырянии гранаты я и не заметил, как перешел поле и углубился в лес.

Конечно, кто из слушателей ему бы сказал, что, мол, твоя болтовня надоела! Наоборот, хвалили и величали, до небес возвели, особенно старался Тамаз Кипиани, — лучше того, «что вы рассказываете человеческое ухо не услышит», — сказал он. Шалико действительно предлагает ему ткемали, приготовленное Минадорой, и тут же, к слову, начинает рассказывать очередную историю, историю ткемали, Шалико и — Сталина! Должен заметить, что и я слышал подобную анекдотическую историю, только героем был очень известный грузинский генерал Порфи́ле Чанчибадзе, который в разгар войны якобы пожелал жареного цыпленка с ткемали. Если бы это произошло в действительности, вероятно, Ираклий Андроников включил бы эту историю в свои прекрасные устные рассказы). О настойчивом желании Шалико сообщили Сталину. Генералиссимус велел перепоручить задание какому-нибудь другому генералу. Нет, доложили ему, никто другой с этим делом не справится. Тогда что хотите делайте, но дайте Чанчибадзе то, что он просит. Это уже был приказ, а невыполнение приказа грозило суровой расправой. Так что генерал Порфи́ле Чанчибадзе своего цыпленка с ткемали получил.

Куда ведет Шалико Хвингиадзе свое повествование уже ясно: он решил ввести в центр своих героических приключений самого Сталина. А самое сногшибательное начинается потом.

— Да, направили меня на это серьезное задание. Сейчас я уже не стану скрывать, с той поры много лет минуло, уже можно про все говорить. Я стал тянуть время, ну не знаю, как будто черт меня подзуживает, не иду и все, и не отказался, и не иду, и оно еще хуже, у меня вышло, знаете, вроде как среди зимы просить свежую мяту с молодым сыром перемешанную или зеленое ткемали только что приготовленное. Как говорится, старуха в январе клубнику захотела, слышали поговорку? Большой выговор мне влепили, тут же пошли суды-пересуды, слухи там всякие, как обычно бывает, эти слухи разрослись, как водится, и в конце концов доложили командующему армией, что такое вот дело и — придвиньтесь-ка поближе, — дошло до Сталина!

— Да ты что!.. — всполошился Варлам.

— Да, да, вот так!.. А Сталин говорит, Иосиф, — оставьте вы этого Шалико Хвингиадзе, пошлите кого другого, что вы уперлись!.. А нету у нас другого, замены нет, — ему докладывают. Тогда, говорит этот благословенный, подайте ему свежее ткемали, смешанный с молодой мятой молодой нежный сыр да прибавьте к этому самтредских цыплят, зажаренных в кеци* (*Кеци — глиняная сковорода). Так было это дело.

— Хорошие слова он сказал, клянусь моей головой, — воскликнул Варлам.

— Принесли тебе свежее ткемали, дядя Шалико? — спросил Автандил.

— Да, только вот омбало (омбало — мята болотная) не смогли там найти и киндзи чуть-чуть не хватало.

— Ну-у, это жалы! — огорчился Варлам.

Шалико на то и Шалико, что он задумал в эти же свои не бывшие героические приключения ввести и другую важнейшую фигуру Второй мировой войны, изменившей весь мир — сумасброда и садиста Гитлера.

Этой неслыханной по смелости операции предшествует еще одна история.

Шалико Хвингиадзе вместе с летчиком Некрасовым (военные с этой фамилией часто

встречаются в повествовании) незаметно для себя переходят на вражескую территорию. Вдруг налетает страшный смерч, у самолета ломаются оба крыла и обоим героям грозит неминуемая гибель, но благодаря удивительной находчивости и поразительной сообразительности Шалико все заканчивается благополучно. Что же сделал наш герой? Он высвобождает из кабины обе руки, машет ими как крыльями и мягко, безопасно сажает их «маленький, красивый самолетик» на такое же «маленькое поле». А вот теперь, после такой посадки самолета, Шалико Хвингиадзе совершает то, о чем ни один разведчик на всем белом свете не мог и мечтать.

Невидимый никем и никем незамеченный Шалико спокойно поднимает бетонную крышку люка и созерцает сверху знаменитый бункер вместе с Гитлером и всеми главными заправками Вермахта. Своими собственными глазами Шалико видит, что происходит с фюрером при упоминании его имени. Это пора, когда фашисты еще не знали, не ведали, какой крах их ожидает в грядущей Сталинградской битве, перевернувшей весь ход войны. Шалико заранее старается привлечь особое внимание к своему рассказу.

— Короче, той же ночью... слушайте, слушайте сейчас я подошел к той нашумевшей истории, дорогие господа, приблизился к потайному бункеру немецкого верховного главнокомандования, который военные специалисты называют Ставкой! Как я туда добрался, каким путем, каким образом — это уже другая история, это я расскажу вам в другой раз, если будем живы, здоровы, а теперь не стану утомлять, перейду прямо к делу. Значит, утро раннее, рассветает, я накинул петлю на зубец бетонной крышки, приподнял ее, конечно, и через вентиляционное отверстие заглянул прямо в главный зал. Смотрю и вижу, но что вижу! Если бы я не видел этого своими глазами, никому бы не поверил, ни в коем случае! Вся свора фашистского главного командования оказалась перед моими глазами. Они стояли вокруг огромного стола, на котором была

расстелена огромная карта, они окружали ее со всех сторон, а во главе стоял — кто бы вы думаете? — сам Гитлер, пусть он там и останется!.. В руке он держал огромный красный карандаш, и он чертил им по подступам к Сталинграду, по волжским фортификациям, по переправе, по воде, по земле, то есть, по суше... Грандиозная Сталинградская операция еще не была начата, и они, конечно не предполагали, какой черный день их ждет. Тогда они думали только выйти к Волге, и доклад делал, как его, этот фельдмаршал?.. Как говорится, крестьянин забыл название мчади, так и я вот...

— Паулюс, — подсказал Автандил.

— Паулюс... Откуда ты все знаешь?

— Что мне делать, знаю, — застенчался Автандил.

— Кто стоит во главе Донского фронта? — спрашивает Гитлер. Такой-то и такой-то, господин начальник. Кто командует восточно-западным фронтом, тоже ответил Паулюс, между прочим, что правда, то правда, сказал точно. В центре кто стоит, с этой стороны, с той стороны и так далее. Под конец он остановился на незначительной, но весьма стратегической точке, он... этот... — рассказчик приостановился.

— Гитлер, — напомнил потерявший терпение Варлам.

— Да, Гитлер. А здесь кто стоит? Хотите или нет, назовите. Воцарилась тишина. Они затруднились называть. Потом один сравнительно смелый генерал говорит, придвиньтесь, говорит, поближе, там стоит Шалико Хвингиадзе со своей сотней. Тогда, вскричал он, Гитлер, чего вы меня сюда привели, почему раньше не сказали, что Шалико Хвингиадзе там стоит, проиграли мы войну, и все! Швырнул с силой карандаш об стену, ногой пнул карту. Перепуганные генералы, хотите верьте, хотите нет, один за другим выбежали из бункера. Гитлер остался один, задумался и проговорил: Эх, Шалико, Шалико, Шалико...

— Он знал грузинский? — неуместно спросил Тамаз.

— Так, еле-еле... ломаным языком говорил... — спокойно ответил Шалико.

Здесь очень естественно вливается тема женщины по фамилии Датешидзе. Трое из

сидящих за столом верят этой почему-то бытовавшей в Кутаиси сказке, якобы у Гитлера была жена грузинка из рода Датешидзе. Эти трое уверены в истинности такого факта. И вдруг совершенно неожиданно для них хозяин дома опровергает эту версию и всю троицу, как говорится, обливает кувшином холодной воды. Шалико вспоминает разбогатевшего крестьянина Афрасиона Датешидзе, который прекрасно обустроил Датешидзевскую гору, вспоминает его дочь Гаянэ, которая была отдана замуж в Твиши и Шилкгрубер ее в глаза не видал. Неизвестная фамилия Шилкгрубер, конечно заинтересовывает слушателей, и Шалико поясняет, что это и есть настоящая фамилия Гитлера. В молодости, оказывается, Шалико с ним вместе кутил в доме Афрасиона Датешидзе.

Вот вам и сюрприз. Повествование обретает оттенок мифа, впрочем, ничего необыкновенного вроде и нет: Афрасион Датешидзе послал своего сына Датушу учиться в Германию. В девятнадцатом, то ли в двадцатом году он вернулся на родину и привез с собой приятеля Шилкгрубера, будущего фюрера Гитлера. По словам Шалико, этот Шилкгрубер был тщедушный, более того, страшно худой человек, как выражается сам Шалико, у которого от худобы щеки просвечивали». За столом у Датешидзе вино пили рогами, и Шалико заметил, что заморский гость халтурит, тост за родных братьев и сестер он не выпил — это одно грубое нарушение этикета, а второе — тоже особый и всеми почитаемый тост за всех святых он тоже не выпил. Шалико был возмущен и намеревался расправиться с этим «грубером», но Афрасион Датешидзе смекнул, что дело плохо, бросился к нему и взмолился — ты только не бей моего гостя и Датешидзевская гора вместе с Цепным мостом будут твои. Хвингиадзе внял его мольбам, сдержал свой гнев, и оставил Шилкгрубера в покое, но тем не менее, очень сожалел, что не прибил на месте это змеиное отродье и не освободил от него вовремя

человечество. Для подтверждения истинности своего рассказа он опять отсылает слушателей к Джиджи Алпаидзе — в который уже раз! — но ему напоминают, что Джиджи ведь давно погиб. Услышав эти слова, захмелевший и размягченный вином и своими воспоминаниями Шалико чуть не рыдает. Ведь его с этим удивительно красивым внешне и внутренне парнем связывала искренняя дружба. С болью говорит, что Джиджи был единственный сын у матери. «Мы с ним любили шутить и смеяться, — вспоминает он. — на меня он никогда не обижался и не обидится. Когда мы с ним выходили гулять по вечерам и шли вдоль сада, все, и женщины, и мужчины, останавливались и смотрели на Джиджи, а на нас никто не обращал внимания, — вспоминает Шалико. И он вспоминает все это без тени зависти, отдавая должное Джиджи. Он не может смириться с гибелью друга и не может не вспоминать его как живого.

Резо Чейшвили обостренным столь необходимым для писателя чувством симметрии и равномерности. Приход Автандила и Тамаза, именно двух человек, обусловлен именно этим чувством. Третий был бы лишним, внимание бы рассеивалось и не установилось бы такое взаимопонимание. Также необходимо было присутствие встречавшего гостей Варлама, ближайшего соседа и старинного друга хозяина. Но еще в застолье этих четверых виртуально участвует постоянно упоминаемый Джиджи Алпаидзе. Его красивое лицо, которым все любовались, всегда стоит перед Шалико Хвингиадзе. Он с глубокой болью вспоминает обо всех тех замечательных парнях, которые пали жертвой войны на чужой земле, кому не довелось вернуться на родину, к жене, к близким и родным, к друзьям. Он вспоминает всех, кого потеряли на фронтах. Все безмолвно встают и стоя пьют за neverнующихся, как принято в Грузии говорить, о погибших на войне, и утирают набежавшие слезы. За столом воцаряется молчание и печаль. Но не в характере Шалико Хвингиадзе,

человека радушного, веселого и жизнерадостного, оставить своих гостей в печали и унынии. Он вновь вспоминает свои боевые подвиги, вспоминает о тех тяжелых рискованных перипетиях, из которых он выходил победителем и о своем блистательном появлении на параде Победы в Москве, то есть то что народ рассказывал о вышеупомянутом Читилии, Шалико приписывает себе. Гости уже вроде собравшиеся подняться со стола и уйти, конечно, остаются. Этот последний эпизод действительно очень красочен, потому я считаю нужным напомнить его читателю.

— Сядем, батано Тамаз, садитесь, пожалуйста. Пусть все будем здоровы, пусть не нарушится мир на земле, не дай Бог еще раз увидеть нашему народу горе и ужас войны. А мою историю кто сможет рассказать? Для этого один вечер — слишком мало. Кто опишет, кто сможет полностью передать потомкам все то, что было мной пережито? Кто узнает, сколько рек я переплыл, по скольким болотам я прошел, скольких пуль и гранат я избежал, какие-то из них и попали в меня, но я не упал, не сломался, не утратил бодрости! В поле танк меня преследовал, дуло оружейное я шапкой затыкал, на пушку запрыгивал, апшара подкладывал, на свой лад скакал, пуль винтовки четырехмоторный бомбардировщик с лету наземь сбрасывал, в фашистском тылу телефонные провода перерезал, каменные ограды рушил, мосты взрывал, поезда с рельс спускал... Кто все это вместе свяжет и расскажет? Что-то я сегодня вам поведал, что-то на завтра оставил.

Автандил наливает новый бокал, и вся троица пьет за достойного тамаду, который так прекрасно провел стол и столько чего им поведал. Они благоговяют Шалико, который в радости и в горести всегда рядом и готов поддержать, когда надо.

Довольный всем происходящим, Шалико не хочется отпускать своих гостей. Он уговаривает их посидеть еще, говорит, что у его винных кувшинов пока дна не видно, однако всему свое время и пришло время

распрощаться и отправляться восвояси.

Изрядно захмелевшие Автандил и Тамаз Кипиани, пошатываясь и покачиваясь, пробираются по заснеженному двору, идут по следу дорожки вниз по спуску и вскоре исчезают в белой темноте снежной ночи.

С хозяином на некоторое время остается Варлам. Шалико беспокоится, что если снегопад не прекратится, со всех крыш надо будет сгребать снег, а как он поднимется на свою старую крышу, она не выдержит его тяжести и провалится вместе с ним. Варлам успокаивает друга, не волнуясь, я приду утром рано и очищу твою крышу.

Шалико успокоившись возвращается к своему самому любимому «воспоминанию» о небывшем героическом переходе через Альпы:

— Такой же снег шел тогда, когда я перешел Альпы, — вспомнил Шалико.

— Альпы ты перешел или Суворов? — спросил Варлам.

— Я, я!.. — сквозь сон проговорил Шалико.

Он ни за что и ни с кем не хочет делить первенство в воображаемом переходе через труднодоступные Альпы.

Варлам, которому утром надо рано вставать, вскоре уходит. Скрип снега под его шагами быстро затихает. Калитку он за собой закрывает беззвучно.

Два небольших превосходных абзаца завершают этот шедевр гротесковой литературы. Второй из них отдаленно напоминает финал хемингуэевского рассказа «Старик и море»: это сцена, когда от выловленной им огромной рыбыны в руках Сантьяго остается лишь белый обглоданный скелет, а ночью ему снятся львы:

Снег падал и падал. Известняковые горы, плетни, каменные ограды, поблескивающие рельсы, дома из красного кирпича все больше и больше погружались в плотную белизну. Откуда-то издали, из тепла курятника, как-то неохотно кричали петухи. у полу погасшей печки в открытой козьей шкурой сакарцхули

дремал Шалико Хвингиадзе, и делились ему заснеженные, сверкающие в лучах солнца величественные Альпы.

Дрема, сон в древнейших поверьях и преданиях народов мира являются предварительным условием, предварением того, что человека посетят видения, что вот-вот ему откроется то заветное, сакральное, к чему он стремится всем своим существом. И не имеет значения был ли финал произведения Резо Чешвили сделан подсознательно, благодаря редкостному дару проникновения в таинственное, сакральное, или было заранее задумано и спланировано.

Резо Чешвили не умел преклоняться перед авторитетами и не стеснялся выражать свое мнение. Так, подобно многим другим, он считал Хемингуэя репортером, однако, позднее в беседе сказал следующее: «Если бы я не читал окончание его повести «Старик и море», я бы не осилил окончание моего рассказа». Шалико Хвингиадзе как тип ему нравился, он считал, что его герой заслуживает место в мировой литературе. Если «Приключения Шалико Хвингиадзе» будут переведены на русский и европейские языки, я уверен, что это произведение будет иметь хороший резонанс и не пройдет бесследно. Можно хотя бы частично перечислить характеры, с которыми Шалико Хвингиадзе так или иначе находится в родстве. Это Панург, Фальстаф, Дон Кихот, адвокат Патлен, Гримельхаузен, некоторые персонажи комедий Мольера, бравый солдат Швейк, Квачи Квачантирадзе, Кваркваре Тутабери, Остап Бендер, Феликс Круль и другие. А уж господин Мюнхгаузен, конечно, родной его брат и так будет всегда, им делить нечего.

Резо, разумеется знал, что во время путешествия в Альпах взор Гете долго был прикован к сверкающей вечными льдами короне Альп, но в «Приключениях Шалико Хвингиадзе» он ничего не написал в связи с этим, потому что это оказалось бы стилистическим несоответствием. Мастер хорошо знал, где, как и что написать.

80 лет назад, в результате Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции, Ленинград был полностью освобожден от блокады.

Блокада продолжалась 872 дня, с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г.

Снег в Сигнахи
Фото Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ